

### Угроза Даллеса: миф или реальность?

---

**А. И. Кравцевич**

В работах по истории японо-советских отношений после Второй Мировой войны преобладает мнение, что отсутствие мирного договора между Японией и СССР вызвано вмешательством США в переговорный процесс по нормализации двусторонних отношений. В частности, «угрозой Даллеса», когда госсекретарь, якобы, пригрозил министру иностранных дел Японии Сигэмицу навечно сохранить американский суверенитет над Окинавой, если Япония снимет свое требование возврата южных Курильских островов. Анализ рассекреченных документов Госдепартамента США позволяет по-новому взглянуть на данную страницу истории международных отношений на Дальнем Востоке.

*Ключевые слова:* мирный договор, нормализация, Курилы, Южный Сахалин, Хабомаи, Шикотан, Кунашир, Итуруп, Рюкю, Окинава, «формула Аденауэра».

#### **Часть первая. Предыстория вопроса**

##### **Постановка проблемы**

В мировом японоведении в целом утвердилось мнение о том, что переговоры о нормализации отношений между СССР и Японией в 1955–56 гг. были сорваны США, которые, якобы, заставили японцев отказаться от первоначальной позиции достаточности возврата «двух островов» Шикотана и Хабомаи для заключения мирного договора.

Так, в фундаментальном трехстороннем исследовании проблемы территориального спора между Россией и Японией содержится утверждение о «вмешательстве госсекретаря США Джона Фостера Даллеса с целью предотвратить разрешение проблемы в 1956 году». «...США... намеренно тормозили попытки Японии достичь договоренности по этому вопросу на основе передачи двух меньших островов. Государственный секретарь Даллес предупредил, что отказ Японии от двух более крупных островов приведет к потере японских прав на куда более важные острова Рюкю (Окинава), которые в то время были оккупированы США»<sup>1</sup>. На это указывает и известный специалист по российско-японским отношениям Питер Бертон: 19 августа 1956 г. «госсекретарь Джон Фостер Даллес пригрозил министру иностранных дел Сигэмицу, что отказ

---

<sup>1</sup> Аллисон Грэм, Кимура Хироси, Саркисов Константин (ред.): *От холодной войны к трехстороннему сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сценарии развития новых отношений между Японией, Россией и Соединенными Штатами*. М., Наука, 1993, с. 4, 7.

Японии от претензий на два более крупных Курильских острова будет явно противоречить Сан-Францисскому мирному договору. Приводя статью 26 договора, Даллес предупредил, что США могут изменить свое решение по поводу возвращения Окинавы»<sup>2</sup>.

Данное исследование проводилось в начале 1990-х годов, когда многие американские документы, касающиеся данной проблемы, еще оставались в категории секретных. Однако основные документы уже были рассекречены в 1991 г.<sup>3</sup> поэтому их практическое игнорирование вызывает определенное недоумение.

В более позднем – одном из наиболее фундаментальных – российском исследовании этот тезис трактуется уже ближе к реальности: «...почувствовав колебания японской стороны и опасаясь достижения компромисса Японии и СССР по вопросу о мирном договоре, в ход советско-японских переговоров вмешалась американская дипломатия. Д. Ф. Даллес ...дважды, 19 и 24 августа 1956 г., встречался с М. Сигэмицу и фактически предъявил ему ультиматум, вошедший в историю как «угроза Даллеса»: если Япония пойдет на подписание мирного договора с СССР на его условиях, т. е. признает передачу СССР Южного Сахалина и Курил в обмен на возвращение ей Хабомаи и Шикотана, то США навеки оставят за собой Окинаву»<sup>4</sup>. Здесь важно то, что Ю. Георгиев дает объективную трактовку: США не ставили вопрос о двух, более крупных островах, они ставили вопрос о недопустимости признании Японией советских территориальных приобретений.

Насколько мне известно, первым исследователем, проанализировавшим еще в 1993 г. на основе ранее рассекреченных документов проблему «угрозы Даллеса» был не ученый, а американский карьерный дипломат Ричард ДеВиллафранка<sup>5</sup>.

Дело в том, что концепция «угрозы Даллеса» появилась в результате утечки конфиденциальной информации после приезда министра иностранных дел Сигэмицу Мамору из Лондона. Как бы официальное содержание беседы Даллеса с Сигэмицу было приведено главным переговорщиком по нормализации советско-японских отношений Мацумото Сюньити в его книге «Радуга над Москвой»<sup>6</sup>. Однако надо иметь в виду, что сам

---

<sup>2</sup> Там же. с. 189.

<sup>3</sup> United States Department of State. Glennon, John P., Editor, Foreign relations of the United States, 1955–1957. Japan, Volume XXIII, Part 1. Washington, 1991.  
<http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS195557v23p1> (Далее FRUS 1955–1957)

<sup>4</sup> Курилы – острова в океане проблем. Составитель, автор исследовательских текстов и комментариев Ю. В. Георгиев. М., РОССПЭН, 1998, с. 250–251 (Далее – Георгиев).

<sup>5</sup> DeVillafranca, Richard, Japan and the Northern Territories Dispute: Past, Present, Future, “Asian Survey”, vol. 33, No. 6 (June 1993), P. 612–624

<sup>6</sup> Мацумото Сюньити. Москува-ни какэру нидзи – Ниссо кокко кайфуку хироку (Радуга над Москвой – секретные записки о восстановлении японо-советских дипломатических отношений). Токио, 1964.

Мацумото при этих беседах не присутствовал и об их содержании знал только со слов Сигэмицу. Иными словами, «угроза Даллеса» в изложении Мацумото – это всего лишь версия событий в интерпретации Сигэмицу. Чтобы выяснить реальную ситуацию, необходимо проследить весь ход переговоров о нормализации японо-советских отношений, а также оценить позицию и роль, которую в этом процессе играли США.

Напомню, что после Сан-Францисского мирного договора вплоть до середины 1955 г. Япония в отношении территориальных претензий к СССР занимала позицию, которую условно можно назвать «два острова». Хотя позиции правительства и политических партий временами сталкивались, в целом в стране общим было понимание, что Шикотан и Хабомаи не являются частью Курил, поскольку административно Хабомаи всегда входил в префектуру Хоккайдо, а Шикотан был переведен в состав Курил лишь в 1885 году, да и то ненадолго.

По свидетельству авторитетного специалиста по истории советско-японских отношений Хара Кимие, еще в 1946 г. в секретной брошюре, изданной МИД Японии и разосланной в дипмиссии в Токио для зондирования позиции союзных держав по территориальному урегулированию, помещены карты Курильских островов. На первой из них эти острова приведены целиком, включая Кунашир, хотя остров Шикотан и гряда Хабомаи выделены. На второй – Курилы разделены на Южные (Кунашир и Итуруп) и Северные (все остальные). При этом Шикотан и Хабомаи затушеваны в цвет, одинаковый с Хоккайдо и отличный от Курил<sup>7</sup>.

Уже через несколько месяцев после восстановления суверенитета все представленные в парламенте политические партии страны приняли совместную декларацию, ставившую перед правительством задачу добиваться скорейшего возвращения оккупированных США островов Окинава, Рюкю и Огасавара, а также оккупированных СССР островов Шикотан и Хабомаи. Южные Курилы (острова Кунашир и Итуруп) в список требований не входили.

Тот факт, что на протяжении периода с сентября 1951 г. по август 1955 г. японское правительство не включало Кунашир и Итуруп в число ёспорных территорий, доказан в специальном исследовании японского ученого<sup>8</sup>.

И надо отметить, что требование «двух островов» никак не противоречило духу и букве Сан-Францисского мирного договора. Анализ документов различных ведомств США, приведенных в трехстороннем проекте США, России и Японии, показывает, что назначавшиеся неоднократно

---

<sup>7</sup> Hara Kimie. Japanese-Soviet/Russian Relations since 1945. A Difficult Peace. N. Y., 2005, pp. 27–28.

<sup>8</sup> *Кадзиура Аюси*. Ригаи кодзо-ни ёру хоппо рёдо хэнкан ёкю-но бунсэки (Анализ требований о возвращении «северных территорий» с точки зрения структуры внутренних интересов). – Кокусай канкэйрон кэнкю. 1989, № 7, март, с. 97–127.

экспертизы, связанные с географическим понятием «Курильские острова», фактически свидетельствуют: острова Хабомаи однозначно, а остров Шикотан с большой долей вероятности не входят в понятие Курил<sup>9</sup>.

### **Переговоры по нормализации советско-японских отношений: первый Лондонский этап**

Итак, 3 июня 1955 г. – начало переговоров в Лондоне. Японскую сторону представляет специальный полномочный представитель, бывший дипломат, депутат парламента Мацумото Сюнъити, советскую – бывший посол в Японии, посол СССР в Великобритании Яков Малик. Стороны «открыли карты». Япония, как и было изначально задумано, выдвинула свои требования «по максимуму»: прекращение состояния войны, установление дипломатических отношений, согласие СССР на ее прием в ООН, репатриация остающихся в СССР японцев, заключение нового рыболовного соглашения, а также возвращение островов Хабомаи и Шикотана, Курильских островов и Южного Сахалина. При этом программа «минимум» по территориям предполагала возврат только Хабомаи и Шикотана<sup>10</sup>. Позже в качестве промежуточного условия предполагалось потребовать в добавление к Хабомаи и Шикотану еще и Южные Курилы – острова Кунашир и Итуруп<sup>11</sup>.

14 июня 1955 г. Малик предложил проект договора, ст. 5 которого гласила: «Япония признает полный суверенитет СССР над южной частью Сахалина с прилегающими островами и Курильскими островами и отказывается от всех прав, правооснований и претензий на эти территории»<sup>12</sup>. Индийская исследовательница всего хода советско-российских переговоров Савитри Вишванатан особо подчеркивает, что при этом давалось детальное определение «этих территорий» и в них включались Хабомаи и Шикотан<sup>13</sup>.

После отказа Японии принять эти условия 5 августа 1955 г. Маликом был предложен компромисс – передача островов Малой Курильской гряды Шикотан и Хабомаи при условии констатации полного урегулирования обоюдных территориальных претензий.

Мацумото послал в Токио телеграмму об успехе переговоров. Сигэмицу и сторонники его и Ёсиды Сигэру в японском МИДе были в панике

---

<sup>9</sup> Аллисон Г., Кимура Х., Саркисов К. Цит. соч., с. 214–216. Кстати, именно эти документы «почему-то» выпали из японского перевода данного исследования.

<sup>10</sup> Такой двухэтапный подход к проблеме территориального урегулирования был изначально предусмотрен т. н. «Инструкцией № 16». См. *Вада Харуки*. Хоппо рёдо мондай-о кангаэру (Осмысливая проблему северных территорий), Токио, 1990, сс. 144–149.

<sup>11</sup> Hellman Donald C., *Japanese Foreign Policy and Domestic Politics: The Peace Agreement with the Soviet Union*. Berkeley, Univ. of California Press, 1969, p. 59.

<sup>12</sup> *Георгиев*, с. 249.

<sup>13</sup> Vishwanathan, Savitri. *Normalization of Japanese-Soviet Relations, 1945–1970*. Tallahassee, 1973, p. 74.

и в конечном итоге скрыли эту телеграмму не только от публики, но даже от премьеры Хатоямы Итиро<sup>14</sup>. Вместо этого Сигэмицу послал Мацумото новые инструкции: 1. возвращения Хабомаи и Шикотана недостаточно; 2. Кунашир и Итуруп – всегда были японскими, и они не включались в Курильские острова, от которых Япония отказалась по Сан-Францисскому мирному договору; 3. суверенитет над Южным Сахалином и Курильскими островами должен быть определен на международной конференции с участием стран-подписантов мирного договора.

16 августа 1955 г. был представлен японский проект договора, где провозглашалось, что «на территориях Японии, оккупированных СССР в результате войны, в день вступления в силу настоящего договора будет восстановлен полный суверенитет Японии»<sup>15</sup>. Через две недели Мацумото предложил подготовленный МИДом компромиссный вариант: помимо Малой Курильской гряды Япония требует Кунашир и Итуруп, тогда как принадлежность остальных территорий, от которых она отказалась по Сан-Францисскому мирному договору, должна быть определена международной конференцией стран-подписантов договора. После того, как СССР отверг этот проект, наступил перерыв в переговорах.

### Позиция США

Посмотрим теперь, какова была позиция США. Естественно, что в условиях «холодной войны» США были совсем не в восторге от установления дипломатических и любых других отношений между Японией и коммунистическими странами. Но американское внешнеполитическое ведомство вполне реально оценивало ситуацию. И следует иметь в виду, что США более всего нервничали не из-за нормализации отношений с СССР, а из-за гипотетической возможности, что она повлечет за собой нормализацию отношений с коммунистическим Китаем. Для США, поддерживавших националистический гоминдановский режим на Тайване в качестве официального представителя всего Китая на международной арене, это было неприемлемо.

Еще в начале января 1955 г. Отдел Северо-Восточной Азии Госдепартамента подготовил доклад в отношении политики США в связи с согласием Японии на нормализацию отношений с Советским Союзом, где утверждалось, что США не могут официально занять позицию противодействия этому процессу, поскольку сами имеют официальные дипломатические отношения с СССР. Однако Госдепартамент должен приложить все возможные усилия для недопущения нормализации отношений Японии с коммунистическим Китаем. На основе этого доклада 10 января 1955 г. госсекретарь Даллес направил в Токио послу Джону

---

<sup>14</sup> Hasegawa, Tsuyoshi. The Northern Territories Dispute and Russo-Japanese Relations. Vol. 1. Between War and Peace, 1697–1985. Univ. of California at Berkeley, 1998, pp. 111–112.

<sup>15</sup> Георгиев, с. 250

Аллисону меморандум с разъяснением позиции США, которая предполагала сдержанное отношение к процессу нормализации японо-советских отношений и жесткую оппозицию любым отношениям Японии с КНР. При этом подчеркивалось, что США поддерживают японский суверенитет над островами Хабомаи и Шикотан, которые не являются частью Курил<sup>16</sup>.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление и пояснить, почему в меморандуме фигурируют острова Хабомаи и Шикотан. Как известно, на Сан-Францисской мирной конференции, когда встал вопрос о пределах Курильских островов, Даллес определенно высказался в том смысле, что, по мнению США, острова Хабомаи не входят в состав Курил. Следующая подвижка была сделана в августе 1952 г.: в ответ на запрос британского Форин офиса Госдепартамент прояснил официальную позицию США, которая сводилась к следующему. США рассматривают Потсдамскую декларацию лишь как «декларацию о намерениях, а не инструмент передачи территорий, каковым может считаться только Мирный договор с Японией». При этом «единственный вопрос, который оставлен договором нерешенным, являются ли острова Хабомаи и Шикотан частью Курил и соответственно подпадают ли они под ст. 2(с). Поскольку Госдепартамент США считает эти острова «не Курильскими островами», Япония де-юре обладает суверенитетом над островами Хабомаи и Шикотан. Госдепартамент также полагает, что мирный договор пошел дальше Ялтинских соглашений в обеспечении отказа Японии от любых претензий и прав на острова. Ялтинское соглашение просто утверждало, что Курилы должны быть переданы СССР, не указывая, что Япония должна отказаться от всех претензий на них. Что касается Южных Курил, Госдепартамент пришел к заключению, что «похоже, что не имеется никаких действительных правовых оснований для утверждения, что Кунашир и Итуруп не являются частью Курил»<sup>17</sup>.

25 января 1955 г. посол Аллисон передал в Госдепартамент текст советского предложения о начале переговоров по нормализации и сообщил, что в беседе с ним министр иностранных дел Сигэмицу заявил о желательности узнать мнение и получить совет США в отношении советской инициативы. При этом он настаивал на том, чтобы это осуществлялось в конфиденциальной форме, поскольку «официальные или публичные комментарии были бы контрпродуктивными». И уже 26 января 1955 г. Даллес направил Аллисону меморандум, содержание которого предлагалось устно изложить Сигэмицу и консультанту МИДа Тани Масаюки. Выразив надежду на своевременное получение инфор-

<sup>16</sup> FRUS 1955–1957, pp. 5–6.

<sup>17</sup> Hill, Fiona. "A Disagreement between Allies": The United Kingdom, the United States, and the Soviet-Japanese Territorial Dispute, 1945–1956. *Journal of Northeast Asian Studies*, Fall 1995, p. 26.

мации о переговорах и заверение в отсутствии намерений оказывать давление на Японию, Госсекретарь сформулировал принципиальную американскую позицию. Во-первых, любое соглашение Японии с СССР не должно никак затрагивать существующие договорные отношения (в частности, Договор безопасности с США и договор с националистическим Китаем); во-вторых, любое соглашение Японии с Советами не должно противоречить условиям Сан-Францисского договора; в-третьих, США категорически против какого-либо участия в переговорах коммунистического Китая. Даллес выразил надежду, что Японии удастся добиться согласия Советов на возврат находящихся в заключении японцев, поддержку принятия Японией в ООН, благоприятное рыболовное соглашение и на то, что японское правительство примет необходимые меры по предотвращению со стороны Советов шпионской деятельности и коммунистической пропаганды. При этом была подтверждена поддержка Соединенными Штатами японской позиции насчет того, что Хабомаи и Шикотан не являются частью Курил, остаются де-юре японской территорией и было предложено обратиться по данному вопросу в Международный суд, если СССР будет оспаривать этот тезис<sup>18</sup>.

Тем самым США недвусмысленно давали понять, что они поддерживают те территориальные претензии Японии, которые соответствуют условиям Сан-Францисского договора. Обращает на себя внимание и прямая подтасовка Даллеса: будучи юристом и автором Сан-Францисского мирного договора, он просто обязан был помнить, что по условиям договора (ст. 22<sup>19</sup>) СССР, не являясь его подписантом, не имел правовых оснований для апелляции в Международный суд.

Позже США предприняли шаги для прояснения для себя правовой ситуации с территориальным вопросом между Японией и СССР. 16.02.1955 г. директор Отдела Северо-Восточной Азии Роберт Макклёркин (MacClurkin) попросил заместителя юридического советника по Дальнему Востоку Конрада Сноу дать правовую оценку следующих позиций:

1. действительно ли после 28 апреля 1955 г. Япония не будет обязана заключать договор с СССР в основном на тех же условиях, что и Сан-Францисский договор;

2. сводятся ли правовые обязательства Японии после этой даты лишь к условиям капитуляции от 02.09.1945 г., где имеется ссылка на Потсдамскую декларацию (от 26 июля 1945 г.), в свою очередь включающую положения Каирской декларации (от 1 декабря 1943 г.), предполагающую изгнание Японии со всех территорий, захваченных силой или из алчности;

3. могут ли США, поддерживая утверждение Японии, что Хабомаи и Шикотан не являются частью Курил, не требовать от Японии

---

<sup>18</sup> FRUS 1955–1957, pp. 11–12.

<sup>19</sup> <http://www.taiwandocuments.org/sanfrancisco01.htm>

отказа от всех претензий на Курилы, или пойти дальше – поддержать претензии Японии на Курилы в противовес СССР?

Ответ по первому пункту был утвердительным. По второму пункту было указано, что Сан-Францисский мирный договор – в отличие от достаточно неопределенных формулировок Каирской декларации – был точной реализацией территориальных положений Потсдамской декларации насчет ограничения суверенитета Японии (четыре основных и те малые острова, которые мы укажем): *скрупулезное перечисление тех территорий, от которых она отказывается, как раз и представляет собой определение территориальных пределов Японии*. И наконец, по последнему пункту юрист указал, что США абсолютно свободны в поддержке претензий Японии на то, что острова Хабомаи и Шикотан не являются частью Курил, и следовательно от них она не отказывалась. Однако *США не могут занять позицию, что Япония не отказывалась от Курил, поскольку это автоматически будет означать отрицание отказа от других территорий* (курсив мой – АК)<sup>20</sup>.

Официальная позиция США по вопросу о нормализации японо-советских отношений была окончательно сформулирована в Заявлении о политике США по Японии, предложенном Национальным Советом безопасности от 9 апреля 1955 г.

В пункте 42 констатировалось, что США не возражают против установления [Японией] дипломатических отношений с СССР, но возражают против установления дипломатических отношений с коммунистическим Китаем и будут выступать жестко против политического сотрудничества Японии с коммунистическими странами в таких действиях, как пакты о ненападении или усилия по содействию приему коммунистического Китая в ООН.

В пункте 43 говорилось о поддержке претензий Японии к Советскому Союзу в отношении суверенитета над островами Хабомаи и Шикотан; непризнании претензий Советского Союза в отношении суверенитета над Курильскими островами и Южным Сахалином, а в пункте 44 – о поддержке и поощрении претензий Японии к Советскому Союзу и коммунистическому Китаю в отношении репатриации бывшего военного персонала и гражданских лиц, а также передачи захваченных японских рыболовных судов»<sup>21</sup>.

Судя по всему, в тот предшествующий переговорам период и Госдепартамент, и ЦРУ, и правительство в целом были уверены, что одной только поддержки японских претензий на Хабомаи и Шикотан будет вполне достаточно для срыва переговоров: в выступлениях и в переговорах с самыми различными людьми высшие чиновники постоянно высказывались в том духе, что Советы никогда не возвращают ранее захваченных территорий.

---

<sup>20</sup> FRUS 1955–1957, pp. 19–22.

<sup>21</sup> FRUS 1955–1957, p. 59.

США были в курсе того, что внутри консервативного политического спектра Японии вызревало требование передачи в дополнение к Хабомаи и Шикотану еще и двух южных Курильских островов. Для США, которые в тот момент исходили из жесткой правовой парадигмы, это было неприемлемо. Когда директор ЦРУ Аллен Даллес на заседании Национального Совета безопасности 10 марта 1955 г. заявил: «хотя имеется очень слабый шанс, что Советы могут вернуть Хабомаи, однако не в их обычае когда-либо возвращать территории, которые им удалось оккупировать», госсекретарь Д. Ф. Даллес уточнил: «Если когда-либо так случится, что Советы отдадут любую существенную часть островов Курильского архипелага, США немедленно окажутся под тяжелым давлением Японии в пользу возврата островов Рюкю под японский контроль. И хотя ожидание того, что Советы вернут японцам что-либо из их сегодняшних владений, идет вразрез с [имеющимся у нас] опытом, они предположительно могут быть побуждены сделать такой ход именно для того, чтобы усилить трения между США и Японией»<sup>22</sup>.

Еще более определенно он высказался на другом совещании Национального Совета безопасности 7 апреля 1955 г., отметив, что безоговорочная поддержка японской позиции на переговорах с Советами может подорвать американские права на Окинаву. Именно поэтому Даллес выступил жестко против даже упоминания о незаконности советской оккупации Курил и Южного Сахалина, поскольку претензии Советов на эти территории «по существу идентичны нашим претензиям находиться на островах Рюкю и Бонин. Соответственно, наши усилия убрать Советы с Курил и Сахалина могут привести к тому, что мы будем убраны с Рюкю и Бонин...[Тогда как] Рюкю более важны для США, нежели Курилы для Советского Союза»<sup>23</sup>.

28 апреля 1955 г. истекал трехлетний срок вытекавшего из ст. 26 Мирного договора обязательства Японии заключить мирный договор со странами-неподписантами на тех же или примерно тех же условиях, что и со странами-подписантами, но опасения США, что СССР попытается воспользоваться этим правовым обязательством, не оправдались. В этих условиях Госдепартамент начал разработку новой политики в отношении Японии. 20 апреля 1955 г. заместитель помощника госсекретаря по Дальнему Востоку Уильям Сибалд подготовил детальный меморандум по позиции США в отношении японо-советских отношений. Поскольку в советских и российских работах мне не приходилось встречать его изложение, целесообразно остановиться на нем подробнее.

В меморандуме отмечалось, что если кабинет Хатоямы испытывает давление со стороны левого электората в связи с предвыборными обещаниями, то у СССР такого давления нет, он может не спешить и полагаться

---

<sup>22</sup> FRUS 1955–1957, pp. 28–29.

<sup>23</sup> FRUS 1955–1957, p. 43

на то, что внутрияпонская ситуация будет способствовать получению уступок. Поскольку США могут влиять только на позицию Японии, предпочтительно избегать прямого вмешательства или публичных комментариев относительно переговоров за исключением тех случаев, когда непосредственно затрагиваются интересы США (например, конфликт с положениями Сан-Францисского договора), о чем сообщается обеим сторонам. Информирование о конкретном мнении США осуществляется только по японскому запросу.

Ожидается, что в дополнение к Хабомаи и Шикотану японцы предъявят претензии на все или часть Курил. И здесь дается достаточно развернутая позиция США по территориальному вопросу. Говорится о продолжении «поддержки претензии Японии на Хабомаи и Шикотан на основе того, что они не часть Курил и остаются частью Японии» и далее отмечается: «По нашему видению проблемы, по Сан-Францисскому договору Япония отказалась от всех претензий на Курилы и Южный Сахалин, принадлежность которых остается нерешенной. СССР попытался формально их аннексировать. Имеются сильные политические основания для поощрения претензий Японии на по крайней мере на часть Курил: Курилы стратегически важны для свободного мира; Япония и Советы – единственные два претендента на них, хотя некая форма международного контроля теоретически возможна; продолжающееся бездействие со стороны Японии и других свободных стран может привести к молчаливому признанию советской оккупации.

Есть также основания, по которым мы не должны стремиться к изменению статус-кво: любое действие США в поддержку японских претензий на Курилы может по Сан-Францисскому договору отразиться на нашей позиции на Рюкю и затронуть статус Формозы, от которой Япония по договору тоже отказалась; поощрение японского ирредентизма на севере может также поощрить его на юге; враждебное же присутствие СССР на северной границе Японии будет действовать как постоянный раздражитель в их отношениях.

Подводим итог: для нас оказывается предпочтительным как минимум не выдвигать возражений против попыток Японии заполучить все или часть Курил, либо как часть сделки, когда Япония может признать действительной претензию Советов на Южный Сахалин (в соответствии с японо-российским обменным договором 1875 г.), либо даже на основе признания Советами отложенного суверенитета Японии над всеми или частью Курил, что сопоставимо с нашей позицией по Рюкю и Бонин. Нам необходимо также поддержать любое предложение Японии обратиться по территориальному вопросу в Международный суд»<sup>24</sup>.

Выражая поддержку позиции Японии по всем другим аспектам нормализации, Сибалд предлагал подтвердить жесткое неприятие Со-

---

<sup>24</sup> FRUS 1955–1957, pp. 65–66.

единёнными Штатами любых попыток давления СССР на Японию в пользу признания коммунистического Китая.

Однако, это еще не было «явным отклонением от предыдущей позиции Госдепартамента», как пишет известный японский исследователь Танака Такахико<sup>25</sup>. Это было пока лишь «намеком» на возможное изменение позиции, поскольку в основе позиции США все еще оставалась правовая парадигма.

В это же время правительство Японии сделало попытку мобилизации поддержки странами Запада его позиции и разослало в июне-июле 1955 г. циркулярную ноту внешнеполитическим ведомствам США, Великобритании и Франции с просьбой прояснить их позицию по Ялтинскому соглашению и Потсдамской декларации. Данный шаг выглядит по крайней мере странным и, судя по всему, может быть объясним только наивной верой и надеждой на то, что в обмен на четко выраженную в условиях «холодной войны» позицию принадлежности Японии к «свободному миру» эти страны поддержат японские претензии на Курилы. Вопрос сводился к следующему: должно ли Ялтинское соглашение, которое было неизвестно Японии на момент принятия ею Потсдамской декларации и которое не упоминалось в этой декларации, рассматриваться в качестве решения Союзных Держав, как это предусмотрено в ст. 8 упомянутой декларации<sup>26</sup>?

Великобритания и Франция подтвердили действенность Ялтинского соглашения. Реакция США была иной.

Как мы уже отмечали ранее, еще в 1952 г. Госдепартамент сформулировал свою новую по сравнению с Сан-Францисской мирной конференцией позицию, с соответствии с которой признавалось, что «острова Хабомаи и Шикотан..., строго говоря, являются частью Хоккайдо и Японии принадлежат суверенитет над ними»<sup>27</sup>. Исходя из этого, в запросе Соединенным Штатам, по свидетельству Мацумото, был дополнительно сформулирован второй вопрос: считает ли американское правительство, что СССР может единолично и односторонне определять принадлежность суверенитета над Курилами и Южным Сахалином<sup>28</sup>?

В своем ответе от 4 июля 1955 г. США подтвердили свою поддержку позиции Японии по вопросу Хабомаи и Шикотана. Была в очередной раз повторена официальная интерпретация Ялты: США считают Ялтинское соглашение по Дальнему Востоку лишь «заявлением глав трех

---

<sup>25</sup> Tanaka Takahiko, "Soviet-Japanese Normalization in 1955-6 and US-Japanese relations", *Historical Journal of Law and Politics*, 21, 1993, p. 75.

<sup>26</sup> Данный документ отсутствует среди рассекреченных американских материалов, но по свидетельству Т. Танаки имеется в документе британского Форин Офиса: *Lord Reading to Ambassador Nishi*, 23 July 1956, FO371, 121080, FJ10338/35, Public Record Office in Kew, UK – Tanaka Takahiko, *op.cit.*, p. 78.

<sup>27</sup> U.S. Department of State, *Japanese Peace Treaty and Other Treaties Relating to Security in the Pacific*. Washington, 1952, p. 9.

<sup>28</sup> Мацумото, цит. соч., с. 61.

великих держав об общих целях», но не рассматривают его в качестве «окончательного решения союзников, упомянутого в ст. 8 Потсдамской декларации, в которой это соглашение не упоминается. В любом случае Япония не связана условиями Ялтинского соглашения, поскольку не была его участником». По второму вопросу США, с одной стороны, подтвердили свою позицию, что Япония отказалась от всех прав на Курилы и Южный Сахалин в Сан-Франциско и потому не имеет на них никаких прав, а с другой, отметили, что мирный договор не передавал СССР суверенитет над Курилами и Южным Сахалином, принадлежность которых может определить только будущее международное соглашение<sup>29</sup>.

Очевидно, что тем самым Даллес в очередной раз демонстрировал достаточно ограниченную поддержку позиции Японии по территориальному вопросу.

Здесь же стоит отметить, что США, весьма активно помогая Японии выстроить ее переговорную позицию в процессе нормализации японо-советских отношений, всячески избегали прямого вмешательства в переговорный процесс, а тем более каких-либо действий, которые могли бы быть интерпретированы как такое вмешательство. Так, когда данный ответ США был вручен в форме памятной записки представителю МИДа Тани Масаюки, японцы попросили разрешения процитировать отдельные положения из него в публичном заявлении. Госдепартамент ответил, что «при публичном использовании содержания документа оно никоим образом не должно ассоциироваться с США». При этом в телеграмме в посольство США в Токио прямо указывалось: «Мы озабочены тем, чтобы японцы сами занимались своими делами, включая возможность перенесения ими на нас ответственности за провал переговоров под предлогом того, что США не смогли выполнить в этих переговорах посредническую миссию»<sup>30</sup>. Иначе говоря, США всячески избегали роли посредника в переговорах, к чему их настойчиво подталкивали японцы.

### **Переговоры по нормализации: второй Лондонский этап**

Вернемся теперь к переговорам в Лондоне. Первый этап переговоров оказался безрезультатным. Дело в том, что в августе 1955 г. МИД Японии выпустил брошюру «Северные острова», в которой был сделан резкий поворот в японской позиции: вместо двух выдвигалось требование возвращения четырех островов<sup>31</sup>. При этом признавалось, что

---

<sup>29</sup> FRUS 1955–1957, pp. 74–75. В ответе, помимо указанных вопросов давалась правовая оценка и других документов: Потсдамской декларации, Общего приказа № 1 и Меморандума 677 Штаба оккупационных войск японскому правительству.

<sup>30</sup> FRUS 1955–1957, p. 75.

<sup>31</sup> Попутно отмечу, что в течение всех переговоров с СССР по нормализации отношений японская сторона ни разу не заявляла, что Кунашир и Итуруп не являются частью Курил.

Кунашир и Итуруп являются частью Курил, от которых Япония отказалась по Сан-Францисскому мирному договору, но акцент делался на «исторической принадлежности» Японии Курил и Южного Сахалина с особым упором именно на Кунашир и Итуруп. Говорилось также, что судьба остальных Курильских островов и Южного Сахалина должна была быть решена на международной конференции.

С большой долей уверенности можно предположить, что данный демарш японского МИДа был – в той или иной мере – инициирован главой Либеральной партии Ёсида Сигэру, который сам был в прошлом дипломатом и сохранил тесные рабочие и дружеские отношения с руководством МИДа, в том числе и с тогдашним министром Сигэмицу Ёсиды, представляя Японию на Сан-Францисской мирной конференции, сам 7 сентября 1951 г. утверждал, что Кунашир и Итуруп представляют собой Южные Курилы<sup>32</sup>, т. е. являются частью Курил, от которых Япония отказалась, и подтвердил этот тезис во время слушаний в парламенте при ратификации мирного договора<sup>33</sup>. Позже в своих мемуарах Ёсида опять же обозначал Кунашир и Итуруп как «Южные Курилы»<sup>34</sup>.

Однако он полагал, что претензии на Южные Курилы вполне оправданы исторически в силу положений Симодского 1855 г. и Санкт-Петербургского 1875 г. трактатов. Кроме того, Ёсида вообще был против нормализации японо-советских отношений, поскольку считал, что она может оказать негативное влияние на отношения с США. Дополнительным стимулом для ужесточения территориальных требований к СССР было также стремление укрепить позиции Либеральной партии в преддверии слияния с Демократической партией.

Как бы там ни было, но поскольку министр иностранных дел Сигэмицу, судя по всему, поддержал Ёсиду в данном вопросе, требование «четырёх островов» стало официальной позицией кабинета Хатоямы. И на тот момент нет никаких формальных оснований обвинять США в оказании какого-либо давления на японцев в пользу изменения их позиции на переговорах в Лондоне. Правда, Т. Танака отмечает, что за день до объявления японским МИДом своей новой позиции имела место встреча Сигэмицу с американским послом Аллисоном<sup>35</sup>. Но трудно согласиться с утверждением Хары Кимиэ, что «японская территориальная претензия на возвращение четырёх островов превратилась в на-

---

<sup>32</sup> U.S. Department of State. Conference for the Conclusion and Signature of the Treaty of Peace with Japan: Record of Proceedings. Washington, U.S.G.P.O., 1951, p. 277.

<sup>33</sup> «Согласно положению, содержащемуся в договоре, Япония отказалась от суверенитета и правооснований на Курильские острова, Сахалин и другие территории. Следовательно, я думаю, что в отношении того, как с ними поступить, Япония не имеет теперь права вмешиваться». – Русская тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979, с. 586.

<sup>34</sup> Yoshida Shigeru. The Yoshida Memoirs: The Story of Japan in Crisis. Boston, 1962, p. 256.

<sup>35</sup> Tanaka Takahiko, op.cit., p. 79.

циональную политику во время переговоров 1955–56 гг., и *подоплекой к этому было вмешательство третьей стороны* (курсив мой – АК)»<sup>36</sup>.

После того, как Япония заявила свою новую позицию – требование уже «четырех островов», СССР естественно отказался даже обсуждать это предложение, и 13 сентября 1955 г. переговоры в Лондоне были прерваны. На встрече с японскими парламентариями в Москве 21 сентября 1955 г. Н. Хрущев обвинил правительство Японии в отсутствии «особой заинтересованности» и намеренном затягивании переговоров о нормализации<sup>37</sup>. Повторив советскую позицию, что все послевоенные территориальные проблемы были решены Ялтинским соглашением, а согласие передать Хабомаи и Шикотан является ничем иным, как жестом доброй воли со стороны СССР, он жестко заявил, что СССР отвергает все японские территориальные претензии. Если до этого СССР стремился форсировать нормализацию отношений и вследствие этой спешки предложение передать Хабомаи и Шикотан было сделано даже еще до того, как требование в отношении них было оглашено Японией<sup>38</sup>, то после выдвижения Японией идущих вразрез с решениями Сан-Францисского мирного договора претензий на Курилы и Южный Сахалин СССР резко «снизил обороты» и по меткому определению британского посла Уильяма Хэйтера встал на позицию «мы можем подождать»<sup>39</sup>.

Забегая несколько вперед отметим, что ждать пришлось до начала следующего года, когда 17 января 1956 г. переговоры в Лондоне возобновились. Перед этим в декабре 1955 г. СССР в очередной раз наложил вето на заявку Японии о вступлении в ООН, доведя до сведения японского правительства, что будет готов дать свое согласие только после подписания мирного договора<sup>40</sup>. Во время второго раунда лондонских переговоров СССР предложил для прекращения состояния войны и восстановления дипломатических отношений использовать «формулу Аденауэра», подразумевавшую восстановление дипломатических от-

---

<sup>36</sup> Hara Kimie, op.cit., p. 41.

<sup>37</sup> И надо сказать, что в данном случае Хрущев действительно «попал в десятку»: в своих воспоминаниях С. Мацумото признается, что неоднократно получал прямое указание Сигэмицу не спешить с переговорами. Мацумото, цит. соч., сс. 27, 44.

<sup>38</sup> По свидетельству участника переговоров в Лондоне С. Тихвинского, согласие на передачу островов Хабомаи и Шикотан «при условии окончательного тем самым урегулирования территориального вопроса между обеими странами при подписании мирного договора» представляло собой «имевшуюся у делегации с самого начала переговоров утвержденную Политбюро ЦК КПСС (т. е. самим Н. С. Хрущевым) запасную позицию», которую посол Малик «преждевременно высказал... Мацумото..., не исчерпав до конца на переговорах защиту основной позиции». С. Л. Тихвинский. Россия–Япония: обречены на добрососедство. Воспоминания дипломата и записки историка. М., 1996, сс. 71–72.

<sup>39</sup> Hayter to MacMillan: 30.09.1955, FO371, 114234, FJ10338/78, Public Record Office in Kew, UK.

<sup>40</sup> Hellman Donald, op.cit., p. 35.

ношений и решение других вопросов без решения территориальных проблем, которые откладывались на будущее<sup>41</sup>. Однако Япония отказалась, потому что кабинет Хатоямы и ЛДП были против любого договора, который не включал бы в себя решение территориальных вопросов. Поэтому и на этот раз добиться прорыва не удалось: стороны смогли достигнуть соглашения практически по всем вопросам кроме территориального, но 20 марта 1956 г. переговоры были прерваны на неопределенный срок.

### Позиция США

По предположению Ц. Хасэгавы, после предложения Малика США были вынуждены пересмотреть свою стратегию, в результате чего «американская позиция сдвинулась от поддержки японского требования возвращения Хабомаи и Шикотана к поддержке ее требований всех четырех островов»<sup>42</sup>. Однако подтверждения этому в рассекреченных американских документах им найдено не было, поскольку, по его же свидетельству, отдельные строки и абзацы соответствующих документов остаются засекреченными. По мнению Хасэгавы, подтверждением этого тезиса служит комментарий Даллеса о позиции Японии по поводу Курил во время встречи с Сигэмицу 29 августа 1955 г. Тогда госсекретарь напомнил японцам, что он специально вставил в Сан-Францисский мирный договор ст. 25 с тем, чтобы «гарантировать, что неподписанты не получают никаких преимуществ от него»<sup>43</sup>.

Хасэгава трактует это указание на ст. 25 как прямой намек на то, что если Япония пойдет на территориальные уступки, то США используют положения этой статьи для требования таких же привилегий, поскольку в складывающихся условиях «территориальные уступки» могут означать только соглашение с советским суверенитетом над Хабомаи и Шикотаном. На этой основе утверждается, что, если ранее Даллес поддерживал требование Японии вернуть себе эти два острова, то после предложения Малика он стал выступать против под предлогом нарушения условий Сан-Францисского мирного договора. Из этого Хасэгава делает принципиальный вывод, что на самом деле «Даллес не поддерживал ирредентистских требований Японии: наоборот, он предпочитал сохранить территориальный конфликт между Советским Союзом и Японией нерешенным»<sup>44</sup>.

Прежде всего, в тексте меморандума о вашингтонских переговорах на министерском уровне 29 августа 1955 г. нет никаких упоминаний о «территориальных уступках». По свидетельству специально исследовавшего данную проблему Т. Танаки, на данном совещании детального

---

<sup>41</sup> В Японии для обозначения понятия «формулы Аденауэра» используется термин «танага-хосики» — «метод откладывания в долгий ящик».

<sup>42</sup> Hasegawa Tsuyoshi, op.cit., p. 119.

<sup>43</sup> FRUS 1955–1957, p. 95.

<sup>44</sup> Hasegawa Tsuyoshi, op.cit., p. 119.

обсуждения территориального вопроса не было, и не найдено никаких документов, подтверждающих, что Сигэмицу и Даллес вообще вели разговор о Кунашире и Итуруп<sup>45</sup>.

Далее, комментарий Даллеса с упоминанием ст. 25 был сделан в ответ на предоставление японской стороной документа, суммирующего позиции Японии и Советского Союза. Сам этот документ не рассекречен, но есть указание на то, что имело место утверждение Японии об отсутствии какого-либо международного соглашения, которое бы передавало японский титул на Курилы и/или Южный Сахалин Советскому Союзу. Поэтому непонятно, зачем Даллесу было нужно намекать на требование адекватных японским уступкам Советам привилегий для США, обращаясь к ст. 25<sup>46</sup>, когда ст. 26 прямо дает такое право.

Кроме того, предвидя неизбежный тупик в переговорах после выдвижения Японией новой позиции «четырёх островов», Госдепартамент 22 августа 1955 г. подготовил Даллесу так называемый позиционный доклад (position paper) для упоминаемых выше переговоров на министерском уровне. В нем предполагалось, что японцы будут настаивать на том, чтобы США поддержали их претензии не только на Хабомаи и Шикотан, но и на Кунашир и Итуруп, а также идею созыва международной конференции по определению принадлежности Курил и Южного Сахалина. В связи с этим рекомендовалось: а) поддержать претензию Японии на Хабомаи и Шикотан, б) *не фиксировать американскую позицию в отношении Итурупа и Кунашира* (курсив мой – АК) из-за недостатка информации и исследования проблемы, в) жестко и четко отвергнуть идею международной конференции, поскольку, с одной стороны, Советы никогда не примут в ней участия, а с другой, эта идея будет интерпретирована другими странами-подписантами Сан-Францисского мирного договора как попытка Японии полностью пересмотреть территориальные аспекты мирного договора, в частности, вернуть Формозу<sup>47</sup>.

Таким образом, очевидно, что *на тот момент США не были готовы поддержать новые территориальные требования Японии в отношении Южных Курил*, поэтому логичнее считать, что Даллес просто

<sup>45</sup> Tanaka Takahiko, op.cit., p. 79.

<sup>46</sup> *Сборник документов и материалов по Японии. (1951–1954 гг.)*, ДВО МИД СССР, 1954, сс. 89–104. <http://www.doc20vek.ru/node/1317>. «Для целей настоящего договора Союзными Державами являются Государства, находившиеся в войне с Японией или любое государство, которое раньше составляло часть территории государства, указанного в статье 23, при условии, что в каждом случае такое государство подпишет и ратифицирует договор. Согласно положениям статьи 21, настоящий договор не будет предоставлять каких-либо прав, правооснований или преимуществ государству, которое не является Союзной Державой, как это здесь определяется, никакие права, правооснования или интересы Японии не должны оказаться урезанными или ущемленными какими-либо положениями настоящего договора в пользу государства, которое не является Союзной Державой, как это здесь определено»

<sup>47</sup> *Japan-USSR Negotiations*. SHV D12. 22 August, 1955, FE File, Lot 60 D330, 56-D225, 56D256, Box 7, N.A. Цит. по: Tanaka Takahiko, op.cit., p. 79.

согласился с позицией Японии и «подбросил» дополнительное правовое обоснование. Тем более, что после своей ремарки госсекретарь дал позитивную оценку тому, как Япония ведет эти переговоры.

На мой взгляд, указанный тезис Хасэгавы является прекрасной иллюстрацией того, как из некорректных трактовок тем не менее делается вполне справедливый вывод. Даллес действительно не поддерживал требований Японии в отношении Курил и Южного Сахалина. И он действительно хотел, чтобы советско-японский территориальный диспут оставался нерешенным, поскольку это сохраняло Японию в орбите США, обеспечивая американское военное присутствие на ее территории, а значит, отвечало интересам США. Но делал он это совсем не путем изменения позиции с «двух островов» на «четыре».

Последующее развитие событий, на мой взгляд, только подтверждает тот факт, что США отнюдь не меняли своей позиции. Оставаясь на платформе правовой парадигмы, США объективно оказывались не в состоянии изменить ее до тех пор, пока международные правовые институты типа Международного суда не вынесут вердикт о том, что Кунашир и Итуруп не являются частью Курил. Т. е. правительство США не могло официально поддержать претензии Японии на эти южнокурильские острова.

Как известно, 6 сентября 1955 г. СССР сделал дополнительное предложение Японии: в обмен на согласие СССР: а) амнистировать 1365 японских военных преступников сразу же после подписания мирного договора; б) поддержать заявку Японии на принятие в члены ООН; в) в дальнейшем обсудить детали торгового соглашения и г) передать Японии острова Хабомаи и Шикотан, в рамках общего и окончательного соглашения Япония должна согласиться на 1) признание советского суверенитета над Курилами и Южным Сахалином; 2) запрещение прохода через все проливы из Японского моря для военных судов из неприбрежных стран; 3) демилитаризацию островов Хабомаи и Шикотан.

Уже 18 сентября 1955 г. заместитель госсекретаря по Дальнему Востоку Уолтер Робертсон направил Даллесу меморандум, в котором выражалась серьезная озабоченность в связи с реальной возможностью того, что в связи с ослаблением позиций «главного адвоката жесткого подхода с переговорами с Советами» Сигэмицу Хатояма вполне может пойти на компромисс, посчитав, что настало время заключить соглашение. Тем более, что «результаты визита Аденауэра в Москву только усиливают аргументы в пользу восстановления отношений без решения всех вопросов». В связи с этим, Робертсон рекомендовал *оставаться в данном вопросе на прежней позиции – «избегать любого проявления вмешательства в переговоры»* (курсив мой – АК), продолжать «давать Японии советы по ряду вопросов», давая ясно понять, что «любое соглашение

между Японией и СССР не должно противоречить Сан-Францисскому договору и нашему Договору безопасности»<sup>48</sup>.

К меморандуму был приложен текст телеграммы послу Аллисону для передачи Сигэмицу и Тани. Даллес согласился с рекомендациями своего заместителя, но сделал весьма любопытные приписки (выделено мною курсивом – А. К.)<sup>49</sup>, и Госдепартамент 20 сентября 1955 г. направил послу Аллисону меморандум Даллеса для ознакомления японского правительства с американским видением проблемы, которое выглядело следующим образом: «а) мы надеемся, что Япония не сделает ничего из того, что могло бы быть истолковано как признание суверенитета Советов над Курилами и Южным Сахалином, *хотя, конечно, признавая отказ от них Японии по условиям статьи 2(с) Мирного договора 1951 г.*, убеждены, что окончательная принадлежность этих территорий должна быть оставлена для будущего международного решения; в) советское предложение запретить проход в Японское море военных судов неприбрежных стран нарушает международное право и поведет к аннулированию и *нарушению* военно-морских аспектов американо-японского Договора безопасности; с) советское предложение о демилитаризации Хабомаи и Шикотана будет выглядеть как *неоправданное* умаление японского суверенитета над этими островами»<sup>50</sup>.

Иными словами, США оставались на прежней позиции: Япония не имеет права признавать суверенитет Советов над Курилами и Сахалином, т. к. такое признание будет очевидным нарушением Мирного договора, с чем США не могли согласиться. Именно поэтому Даллес напрямую напоминал японцам, что они отказались от Курил и Южного Сахалина, и потому не имеют права вести переговоры о суверенитете над этими территориями.

### Неоднозначная позиция Японии

Надо сказать, что у американцев было достаточно оснований для беспокойства. По свидетельству Марка Галличчио (Gallicchio), более всего США были обеспокоены «трендом... в сторону нейтрализма» и «нежеланием поддерживать общие оборонные усилия»<sup>51</sup>. Не секретом являлось и то, что желание националистически настроенного премьера Хатоямы нормализовать отношения с СССР имело своей целью достижение Японией большей независимости от США в сфере внешней политики.

---

<sup>48</sup> FRUS, 1955–1957, pp. 122–123.

<sup>49</sup> FRUS, 1955–1957, p. 123.

<sup>50</sup> *Summary of Major Decisions, Views of Japanese Disputed Islands*, September 1955, John Foster Dulles State Department Microfilm, Seeley G. Mudd Manuscript Library Princeton University Library (Рассекречено 07.05.1997).

<sup>51</sup> *Gallicchio, Marc: The Kuriles Controversy: U.S. Diplomacy in the Soviet-Japan Border Dispute, 1941–1956. Pacific Historical Review, Vol.60, No. 1 (Feb., 1991). PP. 93–94.*

5 октября 1955 г. Хатояма объявил послу Аллисону, что надеется на скорое достижение соглашения в переговорах с Москвой. При этом он отметил, что хотя либералы и часть публики настаивают на возвращении Курил и Южного Сахалина, он считает, что Япония отказалась от прав на Курилы, подписав Сан-Францисский договор, но будет настаивать на «безусловном» возвращении Шикотана и Хабомаи и не согласится с советским требованием ограничения навигации в Японском море<sup>52</sup>. Т. Танака справедливо полагает, что осенью 1955 г. не было принципиальной разницы между позициями Хатоямы и Сигэмицу. Оба были согласны на условие возврата двух островов. Различия были только в тактике: если Хатояма спешил поскорее закончить переговоры и подписать мирный договор, то Сигэмицу считал, что для удовлетворения Америки нужно некоторое время сохранять жесткую переговорную позицию, чтобы продемонстрировать, что было сделано все возможное для противостояния советским условиям, а принять их можно позднее.

ДеВиллафранка в целом адекватно описывает стратегию сторон во время первого раунда переговоров, хотя его интерпретация конечной позиции Японии – возврат не являющихся частью Курил Шикотана и Хабомаи «без признания советского суверенитета над любой территорией, от которой Япония отказалась по Сан-Францисскому мирному договору»<sup>53</sup> – на мой взгляд, выглядит несколько натянутой, поскольку в документе, на который он дает ссылку, говорится лишь о соответствии позиции Сигэмицу позиции США, предполагавшей, что любые соглашения с Советами не должны противоречить Сан-Францисскому мирному договору<sup>54</sup>.

Япония, как представляется, в принципе могла вполне обоснованно уклониться от признания Курильских островов и Южного Сахалина советской территорией под чрезвычайно сильным, практически неоспоримым формально-юридическим предлогом – ведь отказавшись по Мирному договору от титула на Курилы и Южный Сахалин, она не имеет права не то, что уступать эти территории кому бы то ни было, но даже обсуждать их принадлежность. Кроме того, ст. 26 договора запрещает ей предоставлять при мирном урегулировании странам-неподписантам большие преимущества, чем те, что получают страны-подписанты. И можно предположить, что СССР был бы вынужден согласиться с этим «железобетонным» аргументом. Однако, во-первых, нет свидетельств того, что Япония когда-либо заявляла или даже обсуждала эту позицию<sup>55</sup>. Ведь Япония до настоящего времени не только сама не рас-

---

<sup>52</sup> FRUS 1955–57, vol. 23, p. 128.

<sup>53</sup> DeVillafranca, op.cit., p. 612.

<sup>54</sup> FRUS 1955–1957, pp. 11–12.

<sup>55</sup> Об этом прямо было заявлено заместителем госсекретаря У. Робертсоном в его мемурандуме от 03.09.1956 г.: «Японцы выступали за признание их суверенитета над Итурупом и Кунаширом, и самое большее, на что они выражали желание согласиться – это принятие вари-

секречивает практически все касающиеся территориального вопроса документы того времени, но и активно препятствует рассекречиванию соответствующих документов в США. Во-вторых, как уже было отмечено, очень скоро после начала переговоров в Лондоне Япония поменяла свою позицию.

### Позиция США

Той же осенью МИД Японии еще раз попытался заручиться поддержкой Западом своего нового правового аргумента, а именно, что Итуруп и Кунашир не являются частью Курил, и обратился к трем великим державам с просьбой прояснить их позицию по двум вопросам. Во-первых, было ли известно лидерам союзных держав при заключении Ялтинского соглашения по Дальнему Востоку с упоминанием понятия «Курилы», что а) острова Кунашир и Итуруп непосредственно примыкают к Хоккайдо, являются неотъемлемой японской территорией, где проживало большое число японцев, б) эти острова никогда не принадлежали какому-либо иностранному государству, в) в Санкт-Петербургском трактате 1875 г. «Курилы» определялись как только 18 островов, расположенных севернее Итурупа<sup>56</sup>. Во-вторых, понимало ли правительство США, игравших главную роль в выработке текста Сан-Францисского мирного договора, что понятие «Курилы» в ст.2(с) не включало в себя Кунашир и Итуруп.

Франция ответила очень жестко: на мирной конференции вполне четко были определены пределы Курильских островов, а представитель Японии определенно обозначил Кунашир и Итуруп как Южные Курилы. Великобритания, не желая втягиваться в территориальный диспут между СССР и Японией, дала ответ в конфиденциальной форме, текст которого до сих пор не рассекречен. Однако, если принять во внимание ее неизменную позицию признания действительности Ялтинских соглашений, можно с большой долей уверенности допустить, что и здесь ответ был негативным<sup>57</sup>.

---

антных договорных формулировок – включая определение территории Японии без определения территории Советов, и включая признание суверенитета Советов над Курилами и Южным Сахалином, оставляя Итуруп и Кунашир под японским суверенитетом (с советской оккупацией или без нее по аналогии со ст. 3 мирного договора) – но они не представили формально Советскому Союзу эти варианты из-за жесткой советской позиции». FRUS 1955–1957, p. 216.

Насколько мне известно, это был первый случай использования данного аргумента в рамках территориального спора с СССР. После этого данный аргумент был распространен и на Симодский трактат 1855 г. и активно использовался МИДом Японии до тех пор, пока японские ученые Маруяма Ситиро и Вада Харуки не доказали, что такое ошибочное толкование понятия «Курилы» происходит из-за неадекватного японского перевода оригинального голландского и французского текстов данных договоров. После этого МИД Японии практически вывел эти аргументы из оборота.

<sup>57</sup>Прямым подтверждением именно такого ответа служит реплика Сигэмицу в беседе с Даллесом 19.08.1956 г. о том, что «в Великобритании имеется иное, нежели чем в США, по-

Нас же более всего интересует ответ США. Среди рассекреченных документов, изданных Госдепартаментом США в 1992 г. и 1997 г., данный документ отсутствует, однако выдержки из него имеются в книге С. Мацумото.

Повторив свою принципиальную позицию о том, что ни Ялтинское соглашение, ни Сан-Францисский мирный договор не определяли пределы Курил, принадлежность которых должна быть установлена международным соглашением, Госдепартамент в своем ответе от 21.10.1955 г. заявлял: «...*правительство США не имеет возражений против попытки Японии убедить Советский Союз вернуть Итуруп и Кунашир, исходя из того, что эти острова не являются частью Курил.* Тем не менее, принимая во внимание советскую позицию, каковой она была до сих пор объявлена, маловероятно, что японские требования будут удовлетворены. В случае неудачи для японского правительства будет предпочтительно настаивать на том, что вопрос о «Курилах» должен быть передан на рассмотрение Международного суда обеими заинтересованными странами. В качестве альтернативы, *правительство США не имеет возражений против того, чтобы Япония и Советы достигли соглашения о том, что СССР возвратит эти два острова Японии в обмен на ее подтверждение в советско-японском мирном договоре, что она отказалась от Курил и южного Сахалина*»<sup>58</sup> (курсив мой – А. К.).

Из этого весьма «дипломатичного» ответа можно сделать вывод, что США как бы устранились от явного обозначения своей позиции, они явно уходили от какого-либо обещания поддержать претензии Японии на Кунашир и Итуруп, но декларировали, что не будут возражать против японских усилий в этом направлении. Более того, Вашингтон предлагал новую формулу договоренности, позволяющую обойти ограничения, вытекающие из условий Сан-Францисского договора: *подтверждение отказа Японии от Курил и Южного Сахалина вместо признания советского суверенитета над ними*<sup>59</sup>. Такая осторожная и амбивалентная позиция была очень выгодна: она позволяла, с одной стороны, избежать прямой поддержки новых территориальных претензий Японии, а с другой, предоставляла уникальную возможность использовать эти японские

---

нимание действенности деклараций военного времени», т. е. что Англия признает обязательства, вытекающие из Ялтинского соглашения по Дальнему Востоку и считает, что Южные Курилы являются частью Курил. И Даллес был вынужден подтвердить это, фактически признав, что тезис «решения военного времени были только рекомендациями для рассмотрения при заключении мирного договора» – это только позиция США. FRUS 1955–1957, р. 204.

<sup>58</sup> Мацумото, цит.соч., р. 62–63. При этом обращает на себя внимание повторенное в очередной раз заведомо невыполнимое – ни политически, ни юридически – предложение о внесении вопрос об определении пределов Курильских островов на рассмотрение Международного суда.

<sup>59</sup> В последующих переговорах в Москве, как мы увидим, Сигэмицу предложил именно эту формулу.

претензии в качестве эффективного инструмента, препятствующего скорейшему заключению японо-советского мирного договора. Это, по большому счету, и было главной целью политики США в данном вопросе.

И надо сказать, что на том этапе эта политика оказалась вполне эффективной. Как справедливо указывает Т. Танака, эта позиция позволила американцам на некоторое время «притормозить» Хатояму в его стремлении побыстрее заключить мирный договор с СССР<sup>60</sup>. По существу, *это еще не было сменой официальной позиции США, но уже было шагом в сторону отхода от правовой парадигмы. Если раньше декларировалось отсутствие у Японии в силу зафиксированного в Мирном договоре отказа даже права обсуждать проблему суверенитета над Курилами, то теперь США соглашались «не возражать» против попыток японцев договориться с Советами.*

### Формирование позиции ЛДП

Ранее упоминалось, что в начале октября 1955 г. Хатояма был готов к принятию основных советских условий, о чем он и сказал послу Аллисону. Данная позиция, отражая личный взгляд Хатоямы и его Демократической партии, шла вразрез с объявленной ранее, в августе официальной позицией Японии. Очевидно, что этот комментарий был отражением борьбы с Ёсидой и его Либеральной партией всего за несколько недель до слияния двух партий в ноябре 1955 г. Американцы же считали это отражением ослабления позиции Сигэмицу. Хотя, на самом деле, позиция Сигэмицу по территориальному вопросу была не такой уж однозначной. 6 сентября 1955 г. он в резкой форме отказался от озвученного послем Маликом советского предложения, а 22 сентября на встрече с послем Аллисоном, который разъяснил позицию США в связи с японо-советскими переговорами, Сигэмицу (вместе с Тани) утверждал, что позиция США по Курилам абсолютно совпадает с японской позицией<sup>61</sup>. Однако за неделю до этого, 15 сентября во время встречи с одним из лидеров Демократической партии Асида Хитоси он недвусмысленно сказал, что намерен завершить переговоры с Советами на основе возвращения Хабомаи и Шикотана. Возможно, конечно, что Сигэмицу надеялся добиться смягчения жестких советских требований и достичь договоренности обсудить вопрос о статусе Курил и Сахалина позднее, но данный разговор явно свидетельствует, что в тот момент он тоже придерживался мнения, что минимальным условием для нормализации будет возврат Хабомаи и Шикотана<sup>62</sup>.

Как бы там ни было, после слияния Демократической и Либеральной партий 15 ноября 1955 г. была опубликована внешнеполитическая

---

<sup>60</sup> Tanaka Takahiko, op.cit., p. 82.

<sup>61</sup> FRUS, 1955–1957, p. 123.

<sup>62</sup> Tanaka Takahiko, op.cit., p. 80.

платформа новой Либерально-демократической партии (ЛДП), в которой выдвигалось требование о возвращении «четырех островов» и созыва международной конференции для определения принадлежности Курил и Южного Сахалина, поэтому и правительство, включая Хатояму, было вынуждено принять позицию «четырех островов». Примечательно, что Сигэмицу еще до объединения партий подверг жесткой критике эту партийную платформу, считая неприемлемым непосредственное вовлечение партии в переговорный процесс, являющийся исключительной прерогативой правительства<sup>63</sup>.

Имея в виду тот факт, что ответ Госдепартамента японскому МИДу очень быстро «просочился» в СМИ, и все заинтересованные силы узнали, что США более не будут препятствовать попыткам Японии вернуть Кунашир и Итуруп, *любые спекуляции насчет того, что положения внешнеполитической доктрины ЛДП были следствием американского давления, не имеют под собой оснований*. Естественно, США вполне устраивала такая позиция правящей партии и правительства, поскольку американцы были уверены, что на эти условия СССР никогда не согласится. Тем не менее, Госдепартамент опасался, что после блокировки Советами приема Японии в ООН в декабре 1955 г. общественное мнение может побудить правительство пойти на уступки. Поэтому Даллес направил Сигэмицу письмо, в котором призывал непоколебимо сохранять «твердую переговорную позицию», отмечая, что «Япония в переговорах с Советами окажется в благоприятной ситуации, если продолжит последовательную линию на достижение справедливого и разумного соглашения»<sup>64</sup>.

### **Провал переговоров в Лондоне и подготовка к прорыву**

Второй раунд переговоров в Лондоне окончился 20 марта 1956 г. безрезультатно, и уже 21 марта СССР объявил о введении с 15 мая жестких ограничений на вылов лососевых в Охотском и западной части Берингового морей в период нереста, т. е. до 15 сентября. Вопрос о том, было ли это заботой о сохранении запасов рыбных ресурсов или средством нажима на партнера по переговорам, выходит за рамки данного исследования, поэтому отмечу здесь только, что вольно или невольно СССР применил очень действенный инструмент давления на Японию.

В конце марта – начале апреля Госдепартамент после консультаций с японцами готовился сделать заявление, объявляющее эти ограничения нарушением международного права. Но уже 9 апреля советская сторона согласилась с японской просьбой о переговорах по проблеме вылова лососевых. Поэтому Япония попросила США не оглашать заявление,

<sup>63</sup> Майнити симбун, 9.11.1955. Цит. по: Tanaka Takahiko, op.cit., p. 82.

<sup>64</sup> 23.12.1955 Secretary's Message to Shigemitsu, John Foster Dulles State Department Microfilm, Seele G. Mudd Manuscript Library Princeton University Library (Пасекречено 14.05.1997).

на что США были вынуждены согласиться. 14 мая 1956 г. Япония и СССР подписали двустороннее Соглашение о помощи терпящим бедствие на море и Конвенцию о рыболовстве в открытом море в северо-западной части Тихого океана, которая должна была войти в силу либо одновременно с мирным договором, либо когда будут установлены дипломатические отношения.

Тогда же было подписано и промежуточное соглашение о разрешении лова для японских рыбаков в путину 1956 г. до вступления в силу Конвенции, но при непереносимом условии, что переговоры по нормализации двусторонних отношений должны возобновиться не позднее 31 июля 1956 г. Причем эта увязка, включающая конкретные сроки, была сделана именно по настоянию японской стороны, в частности, соратника Хатоямы, министра сельского, лесного и рыболовного хозяйства Коно Итиро, который использовал испытанный аргумент «гайацу – внешнего давления» в качестве прикрытия для достижения своих политических целей, а точнее, целей кабинета Хатоямы – продемонстрировать в преддверии июльских выборов в Палату советников парламента приверженность своим предвыборным обещаниям нормализовать отношения с СССР. Коно при этом не скрывал от советских переговорщиков, что намерен официально представить ситуацию таким образом, что он, мол, был вынужден уступить давлению председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина, который, якобы, соглашался на заключение промежуточного соглашения только в обмен на согласие Коно на возобновление переговорного процесса по нормализации<sup>65</sup>.

19 мая 1956 г. Коно встретился в Вашингтоне с Даллесом и проинформировал его о переговорах в Москве, отметив, что Булганин предложил возобновление переговоров на основе «формулы Аденауэра», и что данный подход оказывается неизбежным для Японии. В ответ на вопрос Даллеса о получаемых от восстановления отношений с Советами преимуществах Коно назвал три: возвращение военнопленных, разрешение на рыболовство в северных водах и поддержка вступления Японии в ООН<sup>66</sup>.

Коно был явным сторонником использования «формулы Аденауэра», т. е. нормализации отношений без решения территориальных вопросов и подписания формального мирного договора. Однако большинство в ЛДП и МИДе продолжало отвергать эту формулу. Сигэмицу тоже был против, считая, что согласие Японии на «формулу Аденауэра повлечет за собой отказ даже от Хабомаи и Шикотана»<sup>67</sup>.

---

<sup>65</sup> *Адырхаев Н. Б.* «Тайна» встречи И. Коно с Н. Булганиным. «Проблемы Дальнего Востока», 1990, №1, сс. 104–107. Для того, чтобы проверить данную комбинацию, Коно намеренно не взял на встречу с Булганиным прикомандированного к делегации переводчика от МИДа К. Ниидзэки.

<sup>66</sup> FRUS 1955–1957, p. 177.

<sup>67</sup> Асахи симбун, 31.05.1956. Цит. по: Tanaka Takahiko, op.cit., p. 83.

## Переговоры по нормализации: первый Московский этап

Переговоры возобновились 31 июля 1956 г. в Москве. Делегацию Японии возглавил М. Сигэмицу, при этом, поскольку Хатояма не очень ему доверял, по настоянию премьера Мацумото Сунъити был назначен вторым полномочным представителем. Советскую делегацию возглавлял министр иностранных дел Д. Т. Шепилов. По свидетельству Коно, инструкции, полученные делегацией от ЛДП и правительства, содержали помимо согласия на передачу островов Хабомаи и Шикотан требование добиваться, как минимум, признания СССР отложенного суверенитета Японии над Итурупом и Кунаширом<sup>68</sup>. Переговоры быстро зашли в тупик. Камнем преткновения стал не только территориальный вопрос, но и прежнее советское требование о недопущении прохода военных судов неприбрежных стран через курильские проливы в Японское море. Оно, судя по всему, имело своей целью «охладить» территориальные претензии, поскольку Москва вполне отдавала себе отчет в том, что в условиях сохранения Договора безопасности с США данное требование абсолютно неприемлемо для Японии. Сначала Сигэмицу – в полном соответствии с формулой Госдепартамента, выраженной в меморандуме от 21 октября 1955 г. – заявил, что в обмен на передачу помимо Хабомаи и Шикотана островов Кунашир и Итуруп Япония готова отказаться от прав и претензий на северные Курилы и Южный Сахалин. Шелепин ответил отказом. Тогда Сигэмицу предложил вообще не упоминать в договоре Курилы и Южный Сахалин и снова получил отказ.

Далее в ходе переговоров японская сторона внесла новый проект договора, из которого было исключено положение о решении вопроса принадлежности Курил и Южного Сахалина в рамках будущих международных переговоров. Япония также соглашалась зафиксировать в договоре с Москвой свой отказ – в соответствии с Сан-Францисским мирным договором – от всех прав, правооснований и претензий на южную часть Сахалина и Курильские острова за исключением островов Кунашир и Итуруп, которые вместе с островами Хабомаи и Шикотан должны быть переданы Японии. Когда советская сторона отказалась, заявив, что кроме передачи Хабомаи и Шикотана никаких иных уступок не будет, Сигэмицу пошел на еще одну, весьма существенную, с точки зрения Японии, уступку: предложил «сформулировать территориальную статью так, чтобы в ней было указано о передаче Японии островов Хабомаи и Сикотан<sup>69</sup> (исключив передачу островов Кунашир и Итуруп), а также об отказе Японии от всех прав на Курильские острова и Южный

---

<sup>68</sup> FRUS 1955–1957, p. 191. Беседа с послом Аллисоном 20.07.1956 г. Примечательно, что от ответа на вопрос, что будет, если Советы откажутся от признания отложенного суверенитета Японии над Южными Курилами, Коно уклонился.

<sup>69</sup> Тогдашнее написание о. Шикотан

Сахалин, как это сказано в Сан-Францисском мирном договоре. Однако при этом японцы возражали против включения в статью положения о прохождении границы»<sup>70</sup>.

Очевидно, что Сигэмицу отдавал себе отчет в том, что зафиксированное в договоре согласие Японии на проведении границы между Кунаширом и Хоккайдо будет означать признание ею де-юре суверенитета СССР над Курилами. А это было именно то, от чего его постоянно предостерегали Даллес и Госдепартамент. Поэтому утверждение Т. Танаки о том, что еще до отъезда в Москву «Сигэмицу уже планировал достигнуть некоего соглашения с Советским Союзом на условиях, которые были несовместимы с американскими интересами, а именно, признание Японией – явно или неявно – советского суверенитета над Курилами, включая Южные Курилы, и Южным Сахалином»<sup>71</sup>, вряд ли можно считать обоснованным.

Получив вновь отказ, Сигэмицу попытался решить вопрос на высшем уровне и 10 августа добился встречи с Хрущевым и Булганиным, которые однако продемонстрировали чрезвычайно жесткую позицию по территориальному вопросу. В этот же день в Токио Хатояма объявил, что уйдет в отставку после урегулирования японо-советских отношений и выбора преемника, что сразу же привело к интенсификации внутрипартийной борьбы в ЛДП.

По мнению ДеВиллафранка, именно заявление Хатоямы об отставке подвигло Сигэмицу на явно авантюристические действия, поскольку «похоже, он верил сам (и так ему говорили его близкие соратники) в то, что успешное завершение переговоров с Советами может сделать его следующим президентом ЛДП»<sup>72</sup>. Поэтому 13 августа, когда переговоры были прерваны в связи с отъездом Шепилова в Лондон, Сигэмицу на пресс-конференции в Москве выступил в поддержку заключения договора даже на советских условиях<sup>73</sup>.

При этом Сигэмицу абсолютно проигнорировал свое годичной давности (от 22 сентября 1955 г.) заявление послу Аллисону о том, что Япония ни в коем случае не отклонится от прежней позиции в отношении СССР (требования четырех островов и непризнание советского суверенитета над Курилами и Южным Сахалином)<sup>74</sup>. Он объявил членам делегации о своем решении подписать договор на советских условиях, скорее всего полагая, что США в конечном итоге согласятся с этим его решением, если уж столь убежденный проамериканский политик, каким он слыл и реально был, вынужден был прийти к выводу, что иного выхода нет.

---

<sup>70</sup> «Соглашается на передачу», цит. соч., с. 115.

<sup>71</sup> Tanaka Takahiko, op.cit., p. 84.

<sup>72</sup> DeVillafranca, op.cit., p. 615.

<sup>73</sup> FRUS 1955–1957, p. 202.

<sup>74</sup> FRUS 1955–1957, p. 123.

Однако членам делегации, и в первую очередь С. Мацумото, удалось отговорить его от этого шага и убедить запросить мнение Токио. Запрос был сделан и была получена недвусмысленная инструкция: не соглашаться на советские условия. Еще за день до пресс-конференции по данному вопросу было принято негативное решение кабинета, которое и было доведено до сведения Сигэмицу в тот же день 13 августа. А 17 августа Сигэмицу получил указание разорвать переговоры и вылететь в Лондон на конференцию по Суэцкому кризису<sup>75</sup>.

Американские материалы свидетельствуют, что политическое решение было принято еще раньше. Во время встречи посла Аллисона с заместителем секретаря кабинета министров Мацумото Такидзо 5 августа последний сообщил, что Сигэмицу «проявляет нерешительность и даже предложил кабинету уступить советским требованиям», однако кабинет выступает твердо против предложения Сигэмицу «уступить не только по Южным Курилам, но также по ограничению прохода через проливы в Японское море... Москва повлияла на его разум, и кабинет решил послать его в Лондон, где он мог бы встретиться с госсекретарем»<sup>76</sup>. А 14 августа Аллисон в телеграмме госсекретарю подтвердил, что японский кабинет министров единогласно выступил против подписания договора на советских условиях<sup>77</sup>.

## **Часть вторая. «Угроза Даллеса»: что было на самом деле?**

### **Встречи Сигэмицу с Даллесом в Лондоне**

И вот мы подходим к главному событию, предопределившему тему данной статьи – встречам министра иностранных дел Японии М. Сигэмицу с госсекретарем США Д. Ф. Даллесом. Встреч было две: 19 и 24 августа 1956 г.<sup>78</sup>. Что же имело место на этих встречах? До начала 1990-х годов в качестве основного источника выступала книга воспоминаний С. Мацумото. Однако, как уже отмечалось, сам Мацумото не присутствовал на этих встречах, поэтому он знал о них только из пересказов Сигэмицу, в достоверности которых есть достаточно оснований усомниться. Особенно после того, как в 1991 и 1997 гг. были рассекречены официальные дипломатические материалы США.

На встрече 19 августа Сигэмицу обрисовал ситуацию на советско-японских переговорах, отметил, что неурегулированным остался только

---

<sup>75</sup> Hellman Donald, op.cit., p. 37.

<sup>76</sup> 05.08.1956 *Japanese Cabinet Opposes Yielding to Soviet Demands*. John Foster Dulles State Department Microfilm, Seeley G. Mudd Manuscript Library Princeton University Library (раскрыто 19.05.1997).

<sup>77</sup> FRUS 1955–1957, p. 202.

<sup>78</sup> Академику Тихвинскому явно изменяет память, когда он утверждает, что таких встреч было три. Тихвинский С. Л., цит. соч., с. 104.

территориальный вопрос, и, сообщив, что СССР хочет провести линию границы к северу от Хабомаи и Шикотана, поинтересовался мнением госсекретаря о правомочности такой границы с точки зрения Сан-Францисского мирного договора. При этом Сигэмицу не сказал Даллесу о своем предложении кабинету принять советские условия, негативном ответе и о полученной инструкции разорвать переговоры. Однако Даллес был в курсе позиций и Сигэмицу, и кабинета, поэтому он, судя по всему, посчитал возможным ответить достаточно жестко. Госсекретарь напомнил, что «по условиям капитуляции Курилы и Рюкю трактовались одинаково, и в то время, когда США в Мирном договоре согласились на то, что отложенный суверенитет над Рюкю может оставаться у Японии, нами было также указано в ст. 26, что, если Япония предоставит России более благоприятные условия, мы можем потребовать таких же условий для себя. Это означает, что если Япония признает за Советским Союзом полный суверенитет над Курилами, мы будем полагать, что мы в равной мере обладаем полным суверенитетом над Рюкю»<sup>79</sup>.

Сигэмицу попытался оспорить данный тезис, заявив, что, по его разумению, статьей 3 Мирного договора статус островов Рюкю был определенно установлен и не может быть изменен. Даллес отверг такую интерпретацию, сославшись опять же на наличие ст. 26, которая гласит: «С любым государством, которое подписало Декларацию Объединенных Наций от 1 января 1942 г. или присоединилось к ней и которое находится в состоянии войны с Японией или любым государством, которое раньше составляло часть территории государства, указанного в статье 23 и не является стороной, подписавшей настоящий договор, Япония будет готова заключить двусторонний Мирный договор на тех же или в основном на тех же условиях, которые предусмотрены в настоящем договоре, но это обязательство со стороны Японии истечет через три года после первого вступления в силу настоящего договора. В случае, если Япония договорится о мирном урегулировании или об урегулировании военных претензий с каким-либо государством на условиях, предоставляющих этому государству большие преимущества, чем те, которые предусмотрены настоящим договором, те же самые преимущества будут распространены на стороны настоящего договора»<sup>80</sup>.

Тогда Сигэмицу попытался склонить госсекретаря к выдвижению инициативы по созыву международной конференции для обсуждения принадлежности Курил и Рюкю, но Даллес высказался отрицательно, не вдаваясь в детали о том, что вопрос этот уже прорабатывался Госдепартаментом и было принято решение о нецелесообразности такой инициативы из-за неминуемого возникновения вопроса о Формозе.

---

<sup>79</sup> FRUS 1955–1957, p. 202.

<sup>80</sup> *Сборник документов и материалов по Японии. (1951–1954 гг.)*, ДВО МИД СССР, 1954, сс. 89–104. <http://www.doc20vek.ru/node/1317>

Чтобы смягчить жесткость американской позиции, Даллес высказал мнение, что «СССР нуждается в мирном договоре с Японией в той же мере, в какой Япония нуждается в мирном договоре с СССР»<sup>81</sup>. Он указал на то, что ст. 26 очень выгодна Японии в ее переговорах с СССР: «Японцы могут сказать Советам, что если их заставят отказаться от Курил, им придется отказаться также и от Рюкю. .... Если Япония скажет СССР, что он может обладать суверенитетом над Курилами, тогда США будут настаивать на суверенитете над Рюкю». И далее госсекретарь заметил, что «он необязательно имеет в виду, что США действительно будут настаивать на суверенитете над Рюкю, скорее, что США имеют право сделать это, однако он не в состоянии гарантировать, [какую позицию займет] по этой проблеме некое будущее правительство США. Вся цель статьи 26 – предотвратить ситуацию, когда в последующих договорах от Японии получали бы более благоприятные условия». И для укрепления переговорной позиции Японии предложил: «Япония может сказать СССР о занятой Соединенными Штатами жесткой линии – что если СССР возьмут все Курилы, США останутся навсегда на Окинаве, и никакое японское правительство не сможет выжить»<sup>82</sup>.

Как можно убедиться, Даллес здесь ни разу не говорил напрямую о Кунашире и Итуруп. Упоминание, да и то только косвенное, о Южных Курилах можно усмотреть в нескольких чрезвычайно амбивалентных фразах, в сущности повторяющих формулировки меморандума от 21 октября 1955 г. Госсекретарь, говоря о предпочтительности занятия позиции об одинаковом статусе всех Курил и Рюкю, («иностранный оккупация с отложенным суверенитетом Японии»<sup>83</sup>), заявил: «Возможно, здесь *есть базис для компромисса, если Советский Союз приобретает суверенитет над определенными островами и признает суверенитет Японии над другими... Если Япония спросит у США, мог бы титул над Курилами быть разделен между южной и северной частями, США могли бы пересмотреть* (очевидно, свою позицию, курсив мой – А. К.)»<sup>84</sup>. На мой взгляд, трактовать эту весьма уклончивую формулировку как «явное предложение Японии не отказываться от претензий на Итуруп и Куна-

---

<sup>81</sup> Здесь госсекретарь явно лукавил: Госдепартаменте прекрасно знал, что Япония более заинтересована в мирном урегулировании, чем СССР. В наиболее явной форме это высказали в своих меморандумах Даллесу заместитель помощника госсекретаря У. Сибалд и заместитель госсекретаря по Дальнему Востоку У. Робертсон. FRUS 1955–1957, pp. 65, 217.

<sup>82</sup> FRUS 1955–1957, p. 203.

<sup>83</sup> Здесь опять Даллес передергивает или выдает желаемое за действительное. Отложенный суверенитет в отношении архипелага Рюкю зафиксирован в ст. 3 Мирного договора, тогда как в отношении Курил ничего подобного не записано. В рассекреченных 19 мая 1997 г. записях самого Даллеса данный тезис вообще приводится в императивной форме: «Статус Курил и Окинавы должен быть одинаковым, т. е. иностранная оккупация с остаточным суверенитетом». 24.08.1956, *Secretary's Conversation with Shigemitsu*. John Foster Dulles State Department Microfilm, Seeley G. Mudd Manuscript Library, Princeton University Library

<sup>84</sup> FRUS 1955–1957, p. 203.

шир», как это делает Т. Танака<sup>85</sup>, выглядит скорее попыткой выдать желаемое за действительное.

Во время второй встречи 24 августа<sup>86</sup> Сигэмицу в связи с проблемой правомочности передачи Японией титула на Курилы Советскому Союзу вновь поднял вопрос о желательности созыва международной конференции для решения всех территориальных проблем. При этом он отметил, что «действие ст. 26 Мирного договора лимитировано тремя годами». Даллес указал ему, что «тезис о трех годах касается только временного лимита на право других стран получить такие же права, какие имеют страны-подписанты». И вновь подтвердил, что созыв конференции нежелателен, на этот раз прямо указав, что на ней «вместе с Курилами может всплыть вопрос о Тайване».

Сигэмицу, отметив, что «Советский Союз хочет провести границу южнее Итурупа и Кунашира», а также «хочет четкого соглашения об отказе от спорных территорий», сформулировал свой тезис иначе: «Правовой вопрос ясен. Япония отказалась от этих территорий по договору с Союзными Державами, в состав которых Советы не были внесены». Ответ Даллеса был следующим: «...по условиям капитуляции Япония имеет титул только на [четыре] основных острова. Сенат, тем не менее, выразил «понимание» в момент ратификации, что титул на Курилы не перейдет к Советскому Союзу. Хабомаи и Шикотан не рассматривались как часть Курил, и США выразили это мнение в Сан-Франциско<sup>87</sup>. Трудно утверждать, что Итуруп и Кунашир не являются частью Курил. Во время Сан-Францисского договора правительство Ёсиды попросило США признать, что Хабомаи и Шикотан не являются частью Курил. Оно не выражало похожей просьбы в отношении Итурупа и Кунашира». В заключение беседы Даллес пообещал рассмотреть эту проблему с технической, исторической и военной точки зрения и сообразить выводы японской стороне.

Опять мы видим, что *Даллес никак не склонял Сигэмицу к отставанию именно Кунашира и Итурупа. Речь идет о Курилах как о едином целом.* Фразой «трудно утверждать, что Итуруп и Кунашир не являются частью Курил»<sup>88</sup> была по сути подтверждена неизменная официальная позиция США: Япония отказалась от суверенитета над этими островами в 1951 г. и не может поэтому признать советский суверенитет над ними в качестве части соглашения о нормализации отношений.

### **Кульбит Сигэмицу и реакция США**

Сигэмицу же, судя по всему, увидел в высказываниях Даллеса шанс для своей реабилитации. Ведь, поддержав публично на пресс-конфе-

---

<sup>85</sup> Tanaka Takahiko, op.cit., p. 85.

<sup>86</sup> FRUS 1955–1957, pp. 207–209.

<sup>87</sup> Прямая ложь – на мирной конференции Даллес упомянул только гряду Хабомаи.

<sup>88</sup> FRUS 1955–1957, p. 208.

ренции нормализацию отношений на советских условиях, которые его правительство отвергло, он «потерял лицо» и оказался почти что политическим трупом. Поэтому он там же, еще в Лондоне, не только, так сказать, «дезинформировал» Мацумото, но и допустил «утечку» тезисов госсекретаря, дав им свою интерпретацию в виде «угрозы Даллеса». А именно, что если Япония откажется от претензий на Кунашир и Итуруп, то США в соответствии со ст. 26 мирного договора оставят за собой Окинаву. В Японии это произвело настоящий фурор. Тем самым он «перевел стрелку» со своих политико-дипломатических промахов на Даллеса, которого тут же обвинили в стремлении «обеспечить провал переговоров, заставляя Японию оставаться непоколебимой по территориальному вопросу»<sup>89</sup>. Кульбит Сигэмицу поставил США в центр двустороннего спора, т. е. в положение, которого они более всего стремились избежать.

Очевидно, что США были чрезвычайно обеспокоены тем, что попытка госсекретаря укрепить японскую переговорную позицию была интерпретирована в Японии как «угроза Даллеса» и вызвала непредвиденное замешательство и чувство обиды в правительстве Японии. Госдепартамент попытался хоть как-то исправить ситуацию, создав рабочую группу для подготовки позиционного доклада для госсекретаря на случай его дальнейших переговоров с Сигэмицу и межминистерских переговоров с директором Договорного департамента МИДа Симادا, намеченных на 27–28 августа 1956 г. Цель доклада – не исправить уже сказанное госсекретарем, а «несколько смягчить формулировки и предоставить японцам возможность самим определиться, какой курс они выберут, а не возлагать на наши плечи ответственность за провал переговоров»<sup>90</sup>.

Но было уже поздно. 30 августа Аллисон телеграфировал из Токио: «Ввиду вызванного сообщениями из Лондона фурора здесь мы, возможно, более не сможем придерживаться предыдущей линии на невовлеченность в советско-японские переговоры, какой бы разумной она ни была... Предлагаю срочно обдумать публичное заявление США и стольких стран-подписантов, сколько можно собрать в кратчайшее время, о нашей поддержке японской интерпретации [понятия] «Курильские острова» в ст. 2 мирного договора, как исключаяющей Итуруп и Кунашир; о том, что по моральным, историческим и правовым основаниям мы считаем, что [эти острова] должны быть возвращены Японии, и что любые вопросы и сомнения на этот счет могут быть отнесены к компетенции Международного суда. Совместное выступление с другими союзными державами по Сан-Франциско предотвратит нашу изоляцию в отношении ответственности за окончательный развал переговоров, если (как мы ожидаем) формула Аденауэра окажется неприемлемой

---

<sup>89</sup> Elleman et al, p. 501.

<sup>90</sup> FRUS 1955–1957, p. 210.

для одной или обеих сторон»<sup>91</sup>. Как можно видеть, посол предлагал в этих условиях отказаться от правовой парадигмы и встать на позицию поддержки японских территориальных претензий.

Госдепартамент в основном согласился с рекомендациями посла. И 3 сентября замгоссекретаря по Дальнему Востоку У. Робертсон представил свой меморандум. В меморандуме дается обзор целевых установок сторон в японо-советских переговорах и отмечается, что *«отсутствие единства и фракционная политика не дали японцам возможности занять твердую позицию»*, поэтому Япония не смогла хорошо сыграть имевшимися у нее картами (курсив здесь и далее мой – А. К.). Переходя к территориальному вопросу, Робертсон указывает, что Япония располагает великолепными историческими аргументами в пользу сохранения за ней суверенитета над Кунаширом и Итурупом. *«Однако в японском и международном употреблении эти острова всегда рассматривались как часть Курильской гряды, и будет трудно доказать, что они не являются частью Курильских островов в том значении, которое использовалось в Сан-Францисском договоре (исторический доклад прилагается<sup>92</sup>)»*.

Далее признавалось, что у Японии не хватает переговорных аргументов для получения каких-либо дополнительных уступок от СССР, а ожидания получения каких-либо преимуществ от использования ст. 26 в переговорах выглядят сомнительными – прежде всего из-за того, что сами японцы не хотят признать ее применимость. Исходя из того, что *«США не могут непосредственно помочь Японии в переговорах, предлагалось сыграть «на контрасте с советским империализмом»*, в частности, *«объявить, что США «считают японские претензии на Кунашир и Итуруп справедливыми»*.

Имея в виду вызванный «угрозой Даллеса» фурор, Робертсон предложил «отработать назад»: «В свете реакции японцев было бы мудро избегать открытых заявлений о наших правах по ст. 26, а ограничиться утверждением, что *официально отказавшись от суверенитета над этими территориями, Япония не имеет права решать вопрос, касающийся сообщества наций, а не только Японии и СССР*. Такая формулировка позволит США зарезервировать свои права... и отказаться признать суверенитет Советов, даже если Япония в конечном счете пойдет на это.

---

<sup>91</sup> FRUS 1955–1957, p. 212.

<sup>92</sup> Это был доклад «Политика США в отношении Курильских островов: 1944–1952 гг.», подготовленный в августе 1956 г. Гербертом Спилманом, экспертом Сектора истории Управления политических исследований. Ст. 5 «Заключения» гласила: «В большинстве документов США, связанных с объектом исследования, Кунашир и Итуруп признаются частью Курил, и премьер-министр Японии, выступая на Сан-Францисской конференции, созданной для подписания мирного договора, специально относился к ним, как к Южным Курилам». U.S. Department of State. *Conference for the Conclusion and Signature of the Treaty of Peace with Japan: Record of Proceedings*. Washington, 1951, p. 277.

Эти формулировки также позволяют избежать ответственности, которую США могут принять на себя, если в них будет утверждаться, что они могут определять суверенитет над Южным Сахалином и Курилами. Существует серьезная возможность, что в глазах японцев это возложит всю ответственность за провал переговоров непосредственно на США». И далее шло самое важное: *«Решение заключать ли договор на советских территориальных условиях, если ничто лучшее окажется недостижимым, – очень тяжелое решение, которое должно быть искренне принято Японией, и хотя с точки зрения интересов США было бы предпочтительно, чтобы оно было негативным, будет правильно, если мы не будем обвинены в навязывании такой позиции»* (выделено мной – А. К.)<sup>93</sup>.

В соответствии с этими рекомендациями Госдепартамент связался с МИДом, предложив направить правительству Японии памятную записку с изложением официальной позиции США в связи с японо-советскими переговорами, которую оно при желании сможет обнародовать.

Даллес сам лично принял непосредственное участие в урегулировании возникшей напряженности. 7 сентября, вручив памятную записку, он пригласил ранее назначенного послом Тани к себе домой и сделал все возможное, чтобы развеять любые недоразумения, возникшие из его августовской беседы с Сигэмицу. Он объяснил, что у США нет никаких намерений создать какие-либо трудности для Японии. Его ссылка на ст. 26 «была полностью в этом духе, без какой-либо мысли выдвинуть собственные территориальные требования, а просто дать Японии аргумент [в переговорах] с русскими». Посол заверил госсекретаря, что правительство в отличие от прессы так и поняло позицию США на августовских консультациях, отметив, что «первоначально имело место недопонимание», а официальное заявление правительства США по проблеме Окинавы «согласуется с фактом, что США не выдвигают никаких территориальных требований»<sup>94</sup>.

В тот же день указанная памятная записка была вручена послом Аллисоном японскому МИДу.

### **Новая позиция США: отход от правовой парадигмы?**

Практически во всех работах по данной теме утверждается, что США поменяли свою позицию и встали на позицию поддержки территориальных претензий Японии, и цитируется следующий пассаж из памятной записки Госдепартамента от 7 сентября 1956 г.: «США после тщательного изучения исторических фактов пришли к выводу, что острова Итуруп и Кунашир (вместе с островами Хабомаи и Шикотан, являющимися частью Хоккайдо) всегда были частью собственно Японии и должны быть *по справедливости* признаны находящимися под японским суверенитетом.

---

<sup>93</sup> FRUS 1955–1957, p. 219.

<sup>94</sup> FRUS 1955–1957, pp. 220, 231.

США будут рассматривать советское согласие с этим как позитивный вклад в ослабление напряженности на ДВ»<sup>95</sup>.

Цитируя тезис о новой позиции США, почему-то «забывают» обратиться к предыдущему абзацу, который гласит: «Обдуманном мнением США является то, что в соответствии с Сан-Францисским мирным договором Япония не имеет права передавать суверенитет над территориями, от которых она отказалась. По мнению США, подписанты Сан-Францисского мирного договора не будут связаны обязательством принять любое действие подобного характера, и они предположительно сохраняют все свои права в соответствии с этим»<sup>96</sup> (выделено мной – А. К). Т. е. это – повторение или подтверждение официальной позиции США, которой они придерживались с 1952 г.

Вроде бы налицо явное и очевидное противоречие. На самом деле все проще. Правовая парадигма осталась в неприкосновенности, ее США не пересматривали. А вот свою позицию поддержки территориальных претензий Японии в отношении Южных Курил изменили. Обратите внимание: если в своем предложении об оказании такой поддержки посол Аллисон говорил о «моральных, исторических и правовых основаниях», то в официальном документе говорится только об исторических аргументах, поскольку других просто не было и нет. Вместо аргументов выдвигается тезис «по справедливости», не имеющий правового оформления.

После того, как недоразумение между Японией и США было снято, Токио согласился на «формулу Аденауэра» для промежуточного соглашения с СССР, и в октябре 1956 г. была подписана Совместная декларация, прекратившая состояние войны между двумя странами. В декабре СССР снял свое вето на вступление Японии в ООН.

### **«Угроза Даллеса» и ее интерпретации**

Вернемся теперь к «нашим баранам», то есть к «угрозе Даллеса».

До сих пор многие авторы пишут о том, что сначала США, считая, что СССР не пойдет ни на какие территориальные уступки, поддерживали японское требование в отношении островов Хабомаи и Шикотан, а когда СССР предложил передать эти острова в рамках мирного урегулирования, Даллес, стремясь помешать нормализации советско-японских отношений, поменял позицию и стал настаивать на том, что японцы не

---

<sup>95</sup> Elleman et al, p. 502.

<sup>96</sup> FRUS 1955–1957, p. 226. Кстати, попутно заметим, что японцы с этим тезисом не согласились, утверждая, что временные рамки упоминаемые в ст. 26 означают, что они могут теперь «заключать любое соглашение по своему желанию без того, чтобы быть обязанной предоставить схожие или равные привилегии подписантам мирного договора. 11.09.1956, *Japanese Treaty Discussions*, John Foster Dulles State Department Microfilm, Seeley G. Mudd Manuscript Library, Princeton University Library (распечатаено 19.05.1997)

должны отказываться от Кунашира и Итурупа. Так, например, Марк Галличчио пишет, что Даллес занял следующую позицию: «...если Япония сделает уступку СССР в отношении северных территорий, США могут выставить претензии на Окинаву»<sup>97</sup>. Но это еще можно объяснить тем, что статья написана до рассекретивания американских документов.

Однако и в более поздних публикациях мы наблюдаем ту же картину. Уильям Ниммо писал свою книгу уже после первого раунда рассекретивания и, тем не менее, повторяет версию Сигэмицу-Мацумото: «Сигэмицу... уже был готов согласиться на советские условия, что Японии будут возвращены только Шикотан и группа Хабомаи, когда Джон Фостер Даллес, переговорщик по мирному договору и государственный секретарь при Эйзенхауэре, вмешался. Цитируя статью 26 Сан-Францисского мирного договора, он заявил, что предложение Японии отказаться от титула на Итуруп и Кунашир будет серьезной уступкой Советскому Союзу, которой не имели союзники, в частности, передачи территорий, не упоминавшихся ни в Каирской, ни в Потсдамской декларации. Даллес, по словам Сигэмицу, сказал, что США аннексируют Окинаву, если Япония откажется от территориальных претензий к Москве»<sup>98</sup>. Но как было выяснено, получив информацию от Аллисона, Даллес ко времени встречи уже знал, что кабинет Хатоямы отказался принять советские условия. Поэтому у него просто не было необходимости вмешиваться (по крайней мере на том этапе).

В 1995 г. в своей книге Йоахим Глаубитц писал: «США были против компромисса [с СССР]. В августе 1956 г. министр иностранных дел<sup>99</sup> Джон Фостер Даллес предупредил Сигэмицу против уступки других [помимо Хабомаи и Шикотана] двух островов с комментарием, что такое действие может дать США основания для удержания Окинавы»<sup>100</sup>. То, что Даллес и США были против компромисса, не вызывает сомнений. Вопрос в другом: против какого компромисса?

Хотя Хара Кимизэ в своей изданной в 2005 г. книге прямо указывает, что ее анализ основывается на вновь рассекретенных материалах дипломатических ведомств США, Великобритании и Австралии, тем не менее, она следующим образом описывает «угрозу Даллеса»: «19 августа 1956 г. во время первого раунда переговоров в Москве, по прошествии более чем года с начала переговоров, полномочный представитель

---

<sup>97</sup> Gallicchio, op.cit., p. 97. Укажем, что термин «северные территории» во время встреч министра иностранных дел с госсекретарем вообще не употреблялся.

<sup>98</sup> Nimmo, William F. *Japan and Russia: a Reevaluation in the post-Soviet Era*. Westport, 1994, p. 47.

<sup>99</sup> Здесь Глаубитц допускает опisku – речь идет о государственном секретаре.

<sup>100</sup> Glaubitz Joachim, *Between Tokyo and Moscow: The History of Uneasy Relationship, 1972–1990s*, Honolulu: University of Hawaii Press, 1995, p. 42.

Японии, министр иностранных дел Сигэмицу Мамору находился на грани компромисса с Советским Союзом в отношении его предложения передать Японии Хабомаи и Шикотан и заключить мирный договор. Однако государственный секретарь США Джон Фостер Даллес в последнюю минуту оказал нажим на него, предупредив, что отложенный суверенитет Японии над Окинавой может оказаться под угрозой, если она сделает уступку СССР»<sup>101</sup>.

Как будто автору неизвестно о том, что раунд уже завершился, поскольку переговоры были прерваны еще 13 августа, а затем вообще разорваны, что японское правительство было однозначно против такого компромисса, и Даллес располагал на этот счет точной информацией! Нет, исследователь об этом знает и даже пишет, но все равно «Сигэмицу... решил подписать мирный договор...[и] угроза была высказана в самую последнюю минуту... Токио и Вашингтон остановили его»<sup>102</sup>. По не вполне понятным причинам К. Хара считает, что переговоры Сигэмицу и Шелепина были «временно прерваны», а «решающий удар по ним был нанесен высказанной в Лондоне «угрозой Даллеса»»<sup>103</sup>. Согласно американским материалам о второй беседе Даллеса с Сигэмицу, последний прямо сказал, что возвращается не в Москву, а через Нью-Йорк в Японию<sup>104</sup>.

Признанный эксперт по японо-российским отношениям Того Кадзухико также остается в плену старой концепции, хотя будучи в прошлом высокопоставленным японским дипломатом, он использует осторожную формулировку: «Даллес дал ясно понять, что США не приветствуют переход Японии на сторону СССР в обмен на два меньших острова»<sup>105</sup> (т. е. речь идет о принятии Японией советской позиции «мирный договор за два острова»).

Даже в одной из самых последних монографий по японо-российским отношениям, в целом вполне солидной и хорошо фундированной, Джозеф Фергюсон повторяет избитые и не соответствующие реальности тезисы: «Даллес сообщил Сигэмицу, что он совсем не в восторге от идеи, что Япония просто получит Шикотан и группу Хабомаи в обмен на мирный договор... Он поднял вопрос о статье 26 в том смысле, что если Япония уступит в вопросе аннексии Советами Курильских островов, США могут не считать себя обязанными возвратить Окинаву и архипелаг Рюкю Японии. Даллес настоятельно побуждал Сигэмицу требовать возвращения всех четырех южных островов (sic! Курсив мой – АК)»<sup>106</sup>.

<sup>101</sup> Hara Kimie, op.cit., p. 42.

<sup>102</sup> Ibid., pp. 43, 70.

<sup>103</sup> Ibid., p. 73.

<sup>104</sup> FRUS 1955–1957, p. 209.

<sup>105</sup> Togo, Kazuhiko. Japan's Foreign Policy 1945–2003. The Quest for a Proactive Policy. Leiden-Boston, Brill, p. 235.

<sup>106</sup> Ferguson, Joseph P. Japanese-Russian Relations, 1907–2007. N.Y., Routledge, 2008, p. 35.

Про советских ученых-японоведов я говорить не буду, поскольку «угроза Даллеса» использовалась ими практически исключительно в качестве мощного пропагандистского аргумента, а ознакомиться с засекреченными материалами Госдепартамента возможности у них не было. Но и некоторые из российских исследователей продолжают использовать старые трактовки. Так, А. П. Марков в 1996 г. пишет о том, что, Даллес, якобы, заявил, что США могут не вернуть острова Рюкю, если Токио подпишет мирный договор с СССР, что, мол, побудило японскую делегацию на переговорах в Лондоне и Москве вернуться к предыдущему (sic! – АК) требованию четырех островов<sup>107</sup>.

Даже Б. Н. Славинский, работавший с рассекреченными документами Госдепартамента и введший многие из них в русскоязычный научный оборот, не избежал соблазна и повторил расхожий тезис: «Даллес тогда прямо заявил М. Сигэмицу, что если Япония официально признает советское право на Южные Курилы, то США аннексируют Окинаву»<sup>108</sup>.

Подобного рода высказывания даже наиболее известных специалистов по советско-японским отношениям можно было бы продолжить, но пора уже, наконец, дать свою интерпретацию ситуации.

В отношении территориальных аспектов японо-советских переговоров позиция США была последовательна и практически не менялась после 1952 г., когда Госдепартамент принял решение считать, что не только острова Хабомаи, но и остров Шикотан не являются частью Курильских островов. Позиция эта исходила из правовой парадигмы и сводилась к тому, что, отказавшись от Курил и Южного Сахалина по Сан-Францисскому мирному договору, Япония не имеет права в какой бы то ни было форме решать судьбу этих территорий. Главной заботой Госдепартамента и Даллеса, в частности, было, чтобы Япония не сделала ничего, что означало бы или могло быть истолковано как признание Японией претензий Москвы на суверенитет над территориями, которые Мирный договор с Японией специально оставил неопределенными.

Эта позиция США о суверенитете над Курилами и Южным Сахалином высказывалась многократно, т. е. ни в коей мере не была новостью для Японии. Единственным новым нюансом стал намек на согласие рассмотреть возможность разделения суверенитета в отношении Южных и Северных Курильских островов. Поэтому, если раньше в интересах США было урегулирование Японией своих отношений с СССР на базе возвращения Шикотана и гряды Хабомаи без признания суверенитета Советов над Курилами и Южным Сахалином, то теперь их позиция несколько смягчалась: США более не возражали против того, чтобы Япония

---

<sup>107</sup> Марков А. П. Россия-Япония: в поисках согласия. М., Русский Мир, 1996, сс.46–47.

<sup>108</sup> Славинский Б. Н. Ялтинская конференция и проблема «северных территорий». М., ТОО «Новина», 1996, сс.182–183. Правда, ссылку он дал не на материалы Госдепартамента, а на New York Times, 30.08.1956.

попыталась договориться с СССР о разделении суверенитета и заявляли о возможности пересмотра своей позиции по просьбе Японии.

### Заключение

Были ли США против нормализации японо-советских отношений? Да, были, но, как уже отмечалось, не видели сколь-нибудь весомых предлогов для противодействия, а также убедительных оснований и реальных возможностей помешать нормализации. Поэтому они в явной форме не вмешивались в переговоры и не препятствовали им напрямую. Причем это была вполне продуманная стратегия. Еще до начала японо-советских переговоров Госдепартамент сформулировал свою позицию, основными положениями которой были: «1) наличие отношений США с СССР препятствует серьезным усилиям отговорить Японию от установления отношений с СССР; 2) США против признания Японией коммунистического Китая в настоящих условиях<sup>109</sup>; 3) США не хотят оказаться в ситуации общего и публичного дипломатического поражения, наносящего ущерб базисным американо-японским соглашениям по безопасности, если Япония в конечном счете предпримет шаги по развитию дипломатических отношений с СССР или коммунистическим Китаем»<sup>110</sup>. Если отвлечься от проблемы Китая и ограничиться только японо-советскими отношениями, то дипломатическим поражением для США было бы признание Японией советского суверенитета над Курилами и южным Сахалином.

По сути, во время августовских бесед США впервые вмешались в процесс нормализации, но – по интерпретации Госдепартамента и СА-мого Даллеса – не для того, чтобы запугать и/или заблокировать достижение соглашения, а в целях укрепления переговорных позиций Японии. И ведь действительно уже в первой беседе 19 августа 1956 г. Даллес *фактически* предложил Сигэмицу тактику использования положений ст. 26 в качестве переговорного инструмента, который может быть применен в диалоге с Советами, и заверил, что администрация Эйзенхауэра не намерена применять эту статью<sup>111</sup>.

---

<sup>109</sup> 7.01.1955 г. заведующий отделом Северо-Восточной Азии МакКлёркин направил заместителю госсекретаря по Дальнему Востоку У. Робертсону меморандум, в котором отмечал: «в долгосрочной перспективе США мало что могут сделать, чтобы предотвратить развитие прямых отношений между Японией и коммунистическим Китаем». Если же Япония «несмотря на позицию США все же будет настаивать на установлении дипломатических отношений с коммунистическим Китаем, мы должны жестко обратить их внимание на желательность придерживаться минимального условия, чтобы... (эта) нормализация не становилась помехой существующим договорным отношениям с националистическим Китаем». FRUS 1955–1957, т. 6.

<sup>110</sup> FRUS 1955–1957, р. 5.

<sup>111</sup> FRUS 1955–1957, р. 203. Справедливости ради стоит напомнить, что он тут же отказался от гарантий, что будущие правительства США останутся на этой позиции.

А после второй беседы он, как и обещал Сигэмицу, в тот же день 24 августа запросил Госдепартамент о том, возможно ли использовать исторические аргументы для обоснования того, что Итуруп и Кунашир не являются частью Курил<sup>112</sup>. И получил ответ в форме меморандума Робертсона от 3 сентября 1956 г., о котором подробно говорилось выше.

На мой взгляд, на вопрос о том, имела ли место «угроза Даллеса», ответить можно, если четко представлять себе, что мы понимаем в данном конкретном случае под «угрозой».

Если речь идет о требовании к Японии не соглашаться на «два острова», а требовать все «четыре», то ничего подобного не было. А была «утка», запущенная Сигэмицу в форме «утечки» информации (а точнее, дезинформации) в японскую прессу в целях реабилитации собственного реноме. Причем, Хатояма, зная от посла Тани о реальном положении дел, не сделал ничего, чтобы «снять США с крючка», поскольку это могло нарушить консенсус внутри ЛДП в поддержку его – Хатоямы – подхода к территориальному диспуту с Москвой.

Если же иметь в виду стремление Даллеса, в общих чертах знавшего о согласии Сигэмицу на советские условия и о решении кабинета Хатоямы отклонить его предложение, в самой жесткой форме предупредить о недопустимости распоряжаться территориями, от которых Япония отказалась, то в том, что такое предупреждение (в пакете с угрозой) имело место, сомневаться не приходится. Прямым свидетельством тому может служить записка для посольства в Токио анонимного источника в Госдепартаменте относительно переговоров Даллеса-Сигэмицу, где прямо указывалось, что непосредственная увязка признания советского суверенитета над Южным Сахалином и Курилами с сохранением суверенитета США над архипелагом Рюкю «не была утвержденной позицией, а скорее была сформулирована самим госсекретарем», из-за чего Госдепартамент был «сбит с толку» и вынужден был задействовать Отдел юридического советника для нахождения аргументов, подкрепляющих позицию госсекретаря<sup>113</sup>. Потом, конечно, Даллес попытался «отыграть назад», но совершенно очевидно, что он хотел не только посоветовать Сигэмицу, как укрепить переговорные позиции Японии, на чем настаивают некоторые американские исследователи<sup>114</sup>.

Но представлять дело так, что из-за «угрозы Даллеса» США несут ответственность за срыв переговоров по нормализации японо-российских отношений – значит намеренно исказить реальный переговорный процесс и перекладывать вину с больной головы на здоровую. Ответственность за провал двух лондонских и одного московского раунда перегово-

---

<sup>112</sup> FRUS 1955–1957, p. 209.

<sup>113</sup> FRUS 1955–1957, p. 210.

<sup>114</sup> Elleman et al, pp. 497–499.

воров 1955–56 гг. по мирному договору лежит в большей мере на Токио, в меньшей – на Москве и в еще меньшей мере – на Вашингтоне.

На Токио – из-за того, что японская переговорная позиция менялась и определялась политической борьбой в стане консерваторов, внимание и энергия которых были в первую очередь сфокусированы на внутренней политике и только во вторую очередь – на международных вопросах<sup>115</sup>. На Москве – так как помимо непосредственной цели – установления дипломатических отношений и признания своего суверенитета над Курилами и Южным Сахалином, СССР выдвигал заведомо невыполнимые условия (вроде демилитаризации Хабомай и Шикотана или запрета прохода военных судов неприбрежных стран в Японское море) и, следуя логике «холодной войны», всячески пытался подорвать японо-американский договор безопасности и подвинуть Японию в сторону «нейтрализации»<sup>116</sup>. Вашингтон же можно обвинять только в том, что, в принципе не желая установления дипломатических отношений Японии с коммунистическими странами в условиях «холодной войны» и не имея возможности прямого препятствования японо-советской нормализации, он «только» подталкивал Токио к занятию более жестких переговорных позиций.

Таким образом, Соединенным Штатам не удалось помешать нормализации японо-советских отношений. В преддверии поездки Хатоямы в Москву Даллес фактически признался в том, что все рычаги воздействия на Японию исчерпаны. На пресс-конференции 2 октября 1956 г. он высказался абсолютно однозначно: «Я бы предпочел не комментировать тот курс [в японо-советских переговорах], которого придерживается правительство Японии в настоящее время. Это в первую очередь их проблема, и до тех пор, пока они придерживаются линии, которая не подрывает наши права по Мирному договору с Японией, я думаю, мы должны признавать, и мы признаем, что они имеют свободу действий, свободу выбора. Я сам не знаю, каким будет решение, и будет ли оно работать, но я верю, что они [японцы] должны быть и являются хозяе-

---

<sup>115</sup> Как справедливо указывает Р. ДеВиллафранка, «Источник всех подвижек японской дипломатии – от неожиданного перехода правительства на позицию четырех островов в августе 1955 до обескураживающего изменения позиции Сигэмицу в августе 1956 и до решения ЛДП принять «формулу Аденауэра»... в сентябре 1956 года – может быть прослежен в развитии внутренней политики ЛДП». *DeVillafraanca*, op.cit, p. 618.

<sup>116</sup> Существует, правда, версия, что предпринятая Даллесом попытка «связать судьбу Курил и Рюкю ведет свое начало от позиции СССР: в ноябре 1950 г. посол Яков Малик в частной беседе, якобы, предупредил Даллеса, что до тех пор, пока США продолжают размещать войска на Окинаве, СССР не уйдут со спорных северных островов». *November 15, 1950 Personal and Confidential letter from John Foster Dulles to General MacArthur*, John Foster Dulles Collection, Seeley G. Mudd Manuscript Library, Princeton University Library. Цит. по: *Elleman et al*, p. 501.

вами своей судьбы в данном отношении»<sup>117</sup>. И в этом смысле установление дипломатических отношений между СССР и Японией было очевидным поражением американской дипломатии<sup>118</sup>. Так это воспринималось японскими СМИ, так оценивал это и замгоссекретаря Робертсон<sup>119</sup>.

На самом же деле, если исходить из интересов США, ни о каком поражении речь идти не может. Прежде всего, нормализация японо-советских отношений не привела к тому, чего Госдепартамент опасался более всего – усилению внутри Японии требований о сближении с КНР. Во то время Япония была заинтересована исключительно или в первую очередь в торговых связях с коммунистическим Китаем, который, со своей стороны, был согласен на развитие внешнеторговых отношений без формальной нормализации. Дипломатические же отношения были установлены только в сентябре 1972 г., через полгода после нормализации отношений между США и КНР.

И самое главное: хотя США и выступали против использования «формулы Аденауэра» для нормализации японо-советских отношений, однако Хатояма фактически был вынужден согласиться на нее, поскольку другого пути нейтрализовать жесткие правовые требования США – не признавать в соответствии с положениями Сан-Францисского мирного договора советский суверенитет над Южным Сахалином и Курилами – просто не существовало. В этом смысле «угроза Даллеса» не сыграла никакой особо негативной роли, которую ей нередко приписывают. То же самое можно сказать и об изменении позиции США по Южным Курилам. Никакого пересмотра правовой позиции США не произошло ни тогда, ни до сих пор. Поддержка Соединенными Штатами японских претензий на Итуруп и Кунашир по сути дела с самого начала была и остается, так сказать, моральной, обосновывается этической категорией «справедливости», не имеющей отношения к международному праву. Решение же о том, что территориальные претензии к СССР должны включать помимо Малой Курильской гряды еще и Южные Курилы, было принято самими японцами без участия США и задолго до того, как Америка пришла к согласию «морально» поддержать это требование Японии.

---

<sup>117</sup> FRUS 1955–1957, p. 234.

<sup>118</sup> Именно поэтому Госдепартамент США несмотря на рекомендации посла Аллисона официально никак не отреагировал на подписание Совместной декларации от 19.10.1956 г. А позже, когда Хатояма возвращался в Токио через Нью-Йорк, ни президент Д. Эйзенхауэр, ни госсекретарь Даллес не нашли возможности (естественно, под благовидным предлогом) встретиться с премьер-министром страны-союзника, а принявший их Робертсон фактически отказался выполнить просьбу Итиро Коно о выпуске Госдепартаментом заявления в поддержку Совместной декларации.

<sup>119</sup> Tanaka Takahiko, op.cit., p. 91.